

Лунные каникулы

Синописис

Лунатик вернулся, и теперь Вовка-первоклассник, приняв облик невидимки, летит с другом на Луну. Лунные приключения включают поход в цирк, рыбалку, знакомство с лунной школой и планетарием. Но и на Земле продолжаются приключения! Путешествие к спутнику Земли заставляет Вовку по-новому взглянуть на земные проблемы, стать добрее к тем, кто его окружает.

ЛУНАТИК ВЕРНУЛСЯ

Утром Вовка робко позвал лунатика. Конечно, никого. Он и днем звал, и вечером, и на следующий день, и через день. Сначала сердце замирало и почти что останавливалось в ожидании ответа, потом как-то поутихло, и тишина в ответ на Вовкино вечернее «Эй, лунатик! Ты где?» не приносила безумного разочарования. Противная мокрая зима кончилась, и Лизун с удовольствием общипывал с газонов молодую травку, напоминая маме, что когда-то он был черепахой. Промелькнуло лето, за которое Вовка успел перетаскать у мамы все ее вязальные крючки, пытаюсь с их помощью создать из солнечных лучей хоть что-нибудь, но ничего не получилось. Солнце светило все слабее и слабее, крючки за лето порастерялись, да и само лето кончилось, и Вовка пошел в первый класс. Ребята попались хорошие, учительница – еще лучше, только вот девчонки, кроме Марины Тереховой, Вовке не понравились. В классе оказался Эльдар Умаров, приехавший из Чечни. Мальчик как мальчик, только очень черный: и волосы, у него, как крылья у вороны, блестят от черноты, и кожа смуглая. И по-русски он говорил неправильно. Первой начала Таня Танизер. То есть как ее зовут, Вовка потом узнал, а пока видел только, что маленькая конопатая девчонка, ну уж совсем не принцесса, вдруг заверещала, как зарезанная: «Ой, девочки, я до головешки дотронулась! Ой, что теперь со мной будет! Ой, не дотрагивайтесь до него, испачкаетесь!» И тут же другая девочка, как потом выяснилось, тоже Таня, подхватила: «Ой, ужас! Он мой бантик задел! Посмотрите скорее, пятна не осталось?» Умар насутился и сказал: «Я мою себя каждое утро. Я всегда весь чистый. Я холодной водой себя мою. Мой папа себя моет холодной водой, и мама моет, и братья с сестрами». Все было сказано вроде и русским языком, но все равно как-то не так. Речь Умара не произвела на девчонок никакого впечатления, и они продолжали пищать, что сейчас все испачкаются. Когда Ольга Дмитриевна начала строить детей в пары, Эддару пары не хватило, и он стоял потерянный и очень мрачный, и казался от этого еще чернее. Хорошо, Ольга Дмитриевна не растерялась, и прицепила его третьим к Вовке и Марине, хотя это еще вопрос, хорошо ли. Все равно понятно, что третий – лишний. А Вовка, после того, как Эльдар отцепился, специально свою руку изучил, но, конечно, никакой грязи от Эльдаровой смуглой ладошки не обнаружил.

Сначала в школе уроков было совсем немного – посидел три часика – и домой. И не задавали почти ничего – порисовал закорючек – и свободен. И мультфильмы успеваешь посмотреть, и на площадке погулять. А потом уроков стало все больше, и дома надо было аккуратно заполнять прописи, учить стихи, самому придумывать басни и сказки. А Вовке ничего придумывать и не надо: расскажет что-нибудь про лунатика, и ему сразу Ольга Дмитриевна пятерку ставит. И в классе все сидят тихо-тихо, интересно всем.

Никто и представить себе не может, что все, рассказанное Вовкой, – не выдумка. Вовка, правда, всегда в своих рассказах лунатика на нейтрального «инопланетянина» для конспирации заменял.

Осенние каникулы, сопровождающиеся бесконечными хмурыми дождями, показались Вовке скучными и ненужными. Вот в садике каникул нет – и ничего. А так что одному целый день делать? Вот если бы всем мамам давали бы на работе каникулы вместе с детьми – тогда другое дело! Спасибо, лунатику: есть теперь Лизун – и для игры товарищ, и защитник, и память о необыкновенных зимних приключениях. Кстати, следующие каникулы, зимние, наверняка веселее этих окажутся. И погулять можно будет, и с горки покататься, и Новый Год как-никак. Конечно, Деда Мороза нет, это всякий школьник знает, но все же... Ведь ни мама, ни папа ни разу не признались, что это они подарки под елку кладут, а уж как их Вовка пытал! Существует все же какая-то тайна, дураку понятно! Ведь если бы уж совсем-совсем никакого сказочного деда не было, взрослые сами бы в Новый Год никаких желаний не загадывали. Еле-еле дождался Вовка Нового Года и, несмотря на то, что уже совсем большим стал, выполнил все необходимые действия по полной программе: написал три письма Деду Морозу. Одно в почтовый ящик бросил, второе под елку положил, третье – под подушку. А в письмах – желание, понятно какое. На случай, если друг вернется, Вовка в подарок ему приготовил рисунок – портрет. Конечно, он ни разу лунатика не видел, и о своей внешности лунный гость не очень-то рассказывал, но по различным намекам было ясно, что рук у него больше двух, глаза внизу где-то, а вместо ног – колеса. Ну а все остальное – зубы там, уши – Вовка сам придумал, или взял из своих снов. Новый Год встретили весело. Сначала была елка в школе. Все пришли в костюмах, даже Эльдар. Он был весь в черном и с настоящим кинжалом, а смотрел на всех так, как будто мог прямо сейчас зарезать. Но, хотя обе бесстрашные Тани дразнили его «бомжом», «головешкой» и «дикарем», он так никого и не зарезал, а сидел, как обычно, позади всех и не играл ни во что. Вовке даже стало его немного жаль, все-таки Новый год! Он и маме потом о том, как Эльдара в праздник дразнили, рассказал, и мама сказала, что когда-нибудь обеим Таням будет очень стыдно за свое поведение. Интересно вот только, когда? Когда они старушками тридцатилетними станут? И будет ли этому радоваться старый тридцатилетний Эльдар? Ему ведь сейчас в школу ходить тяжело...

Дома папа, как всегда, оделся Дедом Морозом, и все делали вид, что его не узнают. А вот Лизун, и правда, не узнал. Зарычал и вцепился в бороду. Борода держалась крепко, и папе пришлось бегать за Лизуном вокруг елки, а потом бороду снять и раздавать подарки так, без бороды. Уже без особой надежды Вовка под бой курантов снова обратился к Деду Морозу с просьбой увидеться с другом, а потом пошли гулять. Яркие фейерверки заставляли отступать темноту, из подвалов выглядывали дрожащие кончики ушей забившихся туда испуганных собак. Лизун, конечно, собака храбрая, но, кажется, он самым первым ловко вывернулся из ошейника и убежал спасаться от грохота. Место выбрал отличное: вход в парикмахерскую, куда спускались пологие ступеньки. Над ступеньками – железная крыша, а площадка перед дверью отгорожена решеткой. Вовка считал, что через прутья и кошка не просочится, но Лизун мгновенно оказался за решеткой и мелко дрожал, прижавшись к двери. Погуляли, называется... Стараясь перекрыть невообразимый грохот, мама, папа и Вовка уговаривали несчастного пса покинуть петардубежище, и в перерывах между взрывами собака немного отлипала от спасительной двери, жаль только, перерывы были слишком короткими, и очередной взрыв заставлял Лизуна еще глубже впечатываться в крашеную поверхность. Мама увела Вовку домой, а сама оделась потеплее и пошла сменить папу, но папа уже стоял на пороге с виновато понурившимся голову Лизуном. Кстати, голова

папы тоже была виновато опущена вниз. Не замечая этого, мама и Вовка бросились к собаке:

- Лизунчик, миленький, мы так и знали, что ты без нас долго не просидишь, собачка ты наша храбрая! Как же ты вылез?
- Быстро, - хмуро сказал папа, - я ему в его парикмахерское убежище петарду кинул.
- Как ты мог? – закричал Вовка.
- Собака могла умереть от страха! – добавила мама.
- Но ведь выжила, - пожал плечами папа. – А так бы около этой парикмахерской пришлось сто лет сидеть – праздники-то еще не скоро кончатся. Да и кинул я самую маленькую петардочку, неопасную. Она и хлопнуть-то не успела, как наш храбрец оказался снаружи.

Папа явно был недоволен собакой, мама – папой, а Вовка тем, что все сердились друг на друга, и праздник так плохо заканчивался. Вовсе не о том просил он Деда Мороза! Вовка улегся в кровать, но заснуть никак не удавалось: во-первых, за окном, затмевая друг друга, вспыхивало то зеленым, то красным, то переливчато-серебристым светом, во-вторых, грохотало невероятно, в-третьих, кровать из всех собачьих сил тряс забившийся под нее и не желающий вылезать Лизун.

- Интересно, виден ли Новогодний салют с Луны? – думал, лежа в раскачивающейся кровати, Вовка. – Виден, конечно. Может, лунатик как раз сейчас в телескоп смотрит, меня вспоминает. А может, отмечает свой лунный Новый год, хотя кто знает, когда на Луне год начинается, какие праздники бывают и как отмечаются?

За окном небольшой перерывчик образовался, и Вовка услышал сердитое хриплое бормотание:

- Нет, ну это просто невозможно! Если я и дальше буду так орать, то совсем голос сорву. Ладно, придется, похоже, до завтра ждать.

Голос был незнакомым и Вовка осторожно спросил:

- Кто это?
- Ну вот, и года не прошло, а все по новой объяснять приходится, - недовольно заворчало в ухе. - Лунатик я, забыл что ли?

Не веря своему счастью, Вовка робко поинтересовался:

- Мой? Мой лунатик? Не другой?
- Твой, - потеплел хриплый голос, - не сомневайся, друг!
- Ура! Ура! Ура! – завопил Вовка и запрыгал на кровати, как сумасшедший. На улице снова грохотало, и папа с мамой не слышали диких воплей. Но, к несчастью, и лунатика было не слышно, но Вовка сообразил и рванул в туалет. Там окон нет, все же немножко потише будет. Заперев дверь, Вовка обрушил на лунатика кучу вопросов:

- Ты когда прилетел? А с голосом что? А долго будешь? Что, ракета опять поломалась?

Лунатик начал с первого вопроса:

- Прилетел я еще до того, как куранты пробили, торопился, хотел тебя с праздником поздравить.
- И чего не поздравил? – обиделся Вовка. Чуть-чуть обиделся, самую капельку.
- Поздравил. Сто раз уже поздравил. Кричал изо всех сил, да разве салют этот перекричишь! Вот, голос сорвал, хриплю еле-еле. Ничего, к утру все пройдет. Да что ты все обо мне? Про себя расскажи! Про Лизуна. Столько не виделась, не слышались, то есть... Мне же интересно!
- Ну что ж, - важно начал Вовка, - я теперь первоклассник, в школу хожу, сижу на уроках, учусь. Уже намного умнее стал, потому что две четверти отсидел. Осталось девять с половиной лет, и школу закончу. Это хорошо, что ты в каникулы прилетел, потому что во время уроков работать и вообще отвлекаться нельзя. Учительница у

нас, Ольга Дмитриевна, очень хорошая. Больше учеников огорчается, если кто-то ошибки делает или не понимает чего. Так что работа во время учебы отменяется, могу помочь только в ночную смену. Хотя это тоже плохо для учебы: я как не высплюсь, ничего на уроках не соображаю. А что, серьезная авария?

- Нет никакой аварии, и работать не надо. У меня отпуск, тебя навестить прилетел. Ну, конечно, осины с собой захвачу, и как только справлюсь с этим – отлет. Если бы каждый лунатик летал во время отпуска только по своим делам – никаких бы ракет не хватило. Да и космонавтов не так уж много, чтоб им без загрузки разрешали по космосу разгуливать.

В это время в дверь постучала мама:

- Вовочка, что ты так долго? Случилось чего?
- Все нормально! – бодро крикнул Вовка, на всякой случай сдернув трусы и усаживаясь на унитаз - живот только немного болит. Я подумал, что если я э-э-э, то пройдет.

Мама встревожилась:

- Говорила же я, нельзя столько лимонада пить! И грибы маринованные надо есть с картошкой, понемножку, а не черпать столовой ложкой прямо из салатницы. С животом не шутят, может, «Скорую» вызовем?

Вовка понял, что разговор в туалете пора заканчивать, натянул трусы, спустил воду для конспирации и с широкой улыбкой вышел к маме:

- Вот и все, ничего не болит. Спать пойду.

Успокоившаяся мама больше приставать не стала, Вовка вернулся в спальню, и пожелал лунатику спокойной ночи. Ответа лунатика слышно не было, но Вовка твердо знал, что хриплый голос обязательно пожелал спокойной ночи и ему.

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ЛУНУ

Спал Вовка чуть ли не до вечера, а, проснувшись, долго лежал с закрытыми глазами. Было страшно: вдруг вчера ему все приснилось, и никакого лунатика рядом нет. Папа за стенкой шикал на Лизуна, уговаривая его не шуметь и не будить Вовку, мама на кухне чуть слышно позвякивала хрустальными салатницами. Вовка приоткрыл глаза, и ему стало хорошо и спокойно, потому что в ухе сразу пропищало:

- С добрым утром, соня! Я уж думал, ты вечно будешь спать!
- С добрым вечером! – посмотрев на сгущающийся за окном сумрак и сладко потянувшись, - тихонько отозвался Вовка. Он хотел, чтобы родители не знали о том, что он проснулся, и поболтать с лунатиком, но ушастый Лизун услышал звуки пробуждения и, толкнув лапой дверь, влетел в комнату.
- Ай, какой красавчик! – пищал лунатик, пока Вовка гладил лохматую спину, - я ведь и по нему скучал. Раньше мне собаки какими-то чудовищами казались; когда первый раз увидел, чуть в обморок не упал. А теперь вижу – вполне симпатичные зверушки, не хуже ящериц, шерсть, правда, на них лишняя.
- А лорик как твой? Жив?
- Жив, что ему сделается! Совсем взрослым стал, на ракатанов шипит, за гуляшками гоняется. Кол-догами его совсем теперь не балую – у него скоро лорчата вылупятся.
- Как это? – удивился Вовка, - ведь лорик – он?
- Нет, - засмеялся лунатик, - у меня лорик – самочка, она то есть, зовут Гусей.
- А чего же ты говорил раньше: «мой лорик спас меня», «я своего лорика с лорчонка вырастил»? Любому дураку сразу ясно, что про него, самца, значит, говорят.

- А вот и нет! Ведь ты говоришь, что у тебя собака есть, что она добрая и хорошая, а ведь, строго говоря, надо бы тебе псом ее называть. Или те же стрекозы ваши, бабочки – не одни же самочки летают, а попробуй-ка про их самцов рассказать! Ну и получится у тебя – быстrokрылый стрекозел и красивый бабочк.

Вовка засмеялся. А ведь верно! Вот и мышкиного мужа никак назвать нельзя, чтобы понятно стало, что это мышиный мужчина. «По полу пробежал крупный мыш», - сказал про себя Вовка и еще больше развеселился. Мама с папой тоже смеялись в соседней комнате, вспоминая прошедшую ночь, которая теперь не казалась неудачной. Настоящий Новый Год! Вовка съел тарелку новогоднего салата, взял санки и пошел кататься с горки с Лизуном. По дороге допытывался у лунатика:

- А лорики яйца как птицы откладывают, в скорлупе, или как черепахи – кожаные? А высидывают долго?

Выяснилось, что ни то, ни другое. Вылупляются лорчата прямо из ворсинок на лапах, и целый месяц лорик должен лежать вверх ногами, чтобы лорчатам не навредить. Пока лорчата не вылупились, лорику молнию на морде разрешают незастегнутой держать, все равно, лежа на спине, языком далеко не дотянешься. А как малыши вылупятся, такое веселье настает! Шесть шипящих лорчат носятся по дому, облизывают друг друга и всех подряд, щекочутся лапами... Да не расскажешь всего, скоро Вовка сам все увидит.

Вовка так заслушался рассказом лунатика, что не сразу понял последнюю фразу, а поняв, уселся прямо в сугроб. Правда или послышалось?

- Я что, на Луну полечу?
- Если захочешь, конечно.
- Вау! – закричал Вовка.
- Ура! – завопил Вовка.
- Е-хо-хо! – заорал Вовка и запрыгал, закружился по снегу нового, самого лучшего года в своей жизни.

И Лизун запрыгал, закружился вместе с ним. А лунатик не стал спрашивать, согласен Вовка или нет. И так все понятно...

- Ты уж без меня тут покатайся, - пискнул он, - а я пока ракету буду готовить к перевозке пассажира. Могу задержаться, но ты не волнуйся, никуда я насовсем не денусь, раз сказал – полетим, значит – полетим.

У Вовки от мысли о предстоящем полете столько энергии появилось, что он с горки съехал сто раз, наверное. Даже Лизун за ним не успевал, и, похватав горячей пастью пушистого снега, улегся отдыхать. Боясь, что собака простудится, Вовка пошел, нет, побежал домой, где немедленно начал готовиться к полету. Во-первых, нужен скафандр. Скафандра нет. Вовка решил, что под скафандр можно будет приспособить осенний комбинезон. Он легкий, почти непромокаемый. Вовка принес из кухни резиновые перчатки, в которых мама посуду моет, и примотал их скотчем к рукавам. К штанинам примотал резиновые сапоги. Осталось как-то закрыть дырку для лица в капюшоне. То, что к лицу нельзя подносить полиэтилен, Вовка знал твердо, и после долгих поисков подходящего материала остановился на овальной салатнице. Салатница никак не хотела крепиться на скользкой ткани, и Вовка оставил ее на потом. Он довольно-таки ловко влез в скафандр и примерил салатницу. Получилось – супер! Только видно плохо. Салатница снаружи неровная, вся в квадратах и треугольниках, поэтому через нее видно не один шкаф, не одно отражение в зеркале, а целых пять. «Кажется, бабочки, видят тоже не одно, а сразу много изображений», - вспомнил Вовка и тут же их пожалел. Как они, бедняжки, мимо цветков не промахиваются? Вон, Вовке никак не выбрать, в какую из пяти дверей выйти! Придерживая шлем руками, он направился к средней. Раздался мамин визг, косяк стукнул Вовку прямо по шлему скафандра, заставив зажмуриться, и тут же под ноги с красивым звоном посыпались хрустальные осколки.

Вовка приоткрыл один глаз и увидел, как мама сползает по стенке на пол. Прискакал папа и, покрутив пальцем у виска, подхватил маму на руки и уложил на диван. Приказав Вовке «бегом принести воды», он стал обмахивать маму схваченным с секретера большим листом бумаги, одновременно ругая сына:

- Ну у тебя и шуточки! Инфаркт заработать можно! Что ты там возишься, неужели так трудно стакан воды принести?

Конечно трудно, в скафандре-то! Сам бы попробовал! Перчатки большие, пальцы пустые болтаются, не дают стакан ухватить, кран тугой, не оторвать никак. Наконец, полилась вода, но попала на перчатки, и они сразу стали скользкими. Стакан сделал «Дзынь!».

- Растяпа! – закричал папа, - иди на маму махай, воду сам принесу.

Вовка со всех ног бросился в комнату, и быстро добежал, только один раз споткнулся. Принял у папы лист и махнуть-то успел всего пару раз, а папа уже брызгал на мамино лицо водой. Мама открыла глаза, посмотрела прямо перед собой, шепнула: «И здесь инопланетяне!» и снова упала в обморок. Обморок – такая штука, в которую можно и лежа падать. Папа выхватил у Вовки листок, перевернул и закричал:

- Что ты мне подсунул? Специально, да?

Вовка глянул: точно, они на маму портретом лунатика махали! Ну и что? Чего здесь бояться? Лунатик же добрый и очень милый! Хотя мама-то об этом не знает, вот ее и напугали три глаза, свисающие с подбородка. Вовка повертел листок и снова положил на секретер, а мама опять очнулась и спросила слабым голосом:

- Улетели?

Папа обрадовался, что с мамой все в порядке и закричал:

- Да что ты, дорогая? Здесь никаких инопланетян и не было! Посмотри: видишь, наш сыночек в каком прикиде стоит! Помнишь, он на Елку в школе хотел костюм космонавта, а мы ничего придумать не смогли и сделали мушкетерский? Вот он, наверное, и решил дома свою мечту осуществить. А что, ничего получилось, по-моему!

Мама подозрительно посмотрела на Вовку и протянула:

- Нет, я другого видела! У того лицо из тысяч маленьких личиков сделано, и все светилось и переливалось.

- Это у меня шлем такой был, - потупившись, сказал Вовка, - из салатницы. Разбился.

Мама посмотрела на пол, увидела осколки, и, вместо того, чтобы расстроиться, обрадовалась. Вовка тоже обрадовался, потому что понял: ругать за разбитую посуду в этот раз не будут. А мама снова нахмурилась:

- А где второй? Я еще одного видела, с тремя глазами!

- А это просто рисунок! – закричал папа и протянул маме безобидный лист. Мама долго вглядывалась в рисунок, а потом сказала:

- Хорошая картинка. Я вот смотрю и вижу: это чудовище хоть и страшное, но очень доброе, просто к его виду привыкнуть надо.

- Правильно, мамочка! – обрадовался Вовка и заскакал по комнате, но оступился в неудобной одежде и растянулся на полу. Папа с мамой отмотали от комбинезона перчатки и сапоги, вытряхнули из него Вовку и стали осторожно собирать разлетевшиеся по полу осколки.

ПОДГОТОВКА К ПОЛЕТУ

Вытащенный из скафандра Вовка решил, что зря начал подготовку к путешествию с одежды. Как маленький, прямо! Еще не хватало самому ракету строить. Понятно, что ни способного выдержать космический холод и перегрузки скафандра, ни готового вырваться за пределы Земли аппарата в одиночку никому не создать, а ребенку тем более. О таких вещах лунатик сам позаботится, не дурак. А вот кое-что обязательно самому подготовить надо. Во-первых, Российский флаг. Пусть весь мир спорит, были или не были американцы на Луне, но вот он, Вовка точно будет, а так как он представитель России, то имеет полное право от ее имени водрузить на каком-нибудь кратере красно-бело-голубой флаг. Или бело-красно-голубой? Очень важно не перепутать цвета, и Вовка не поленился, оделся и вышел во двор. Флага там, правда, не висело, зато на каждом номере машины были нарисованы три полоски. Запомнив расположение цветов, Вовка вернулся, нашел в маминой коробке для шитья разноцветные тряпочки, отрезал примерно одинаковые узкие кусочки и довольно-таки быстро сшил настоящий флажок, чуть кривоватый и лохматый и приклеил его к карандашу. Во-вторых, еда. Кто знает, может, лунные лакомства, такие, как «колддоги», например, вовсе земному ребенку не подходят. Здесь, во всяком случае, соленое мороженое Вовка точно есть бы не стал. Поэтому он взял полиэтиленовый пакет и запихал в него все конфеты, которые удалось найти дома. Конфет оказалось не так уж и много, и Вовка решил до отлета сладкого не есть, а копить. В-третьих, что-то такое он слышал про родную землю, которая сил придает, если ее с собой в далекие края взять, только не помнил, сказка это или правда. Луна – точно края далекие, даже очень, а земли он совсем немного возьмет, одну горсточку. Плохо, что зима сейчас, из-под снега землю и не выкопать, да и летом от земли в городе толку мало. Папа говорит, что во дворе на каждый метр земли по четыре собачьих какашки в день приходится. Но Вовка не растерялся, накопил земли в спичечный коробок из горшка, в котором рос кактус. Все это Вовка сложил в пакет с ручками, но места оставалось еще очень много, поэтому он пихнул туда еще пару книжек, чтобы было что в дороге почитать, тетрис и тамагочи, несколько машинок, остатки от набора «Лего», мягкого медвежонка и зубную щетку с пастой. Не то, что бы все было уж так необходимо, но то, что не нужно, всегда подарить можно, лунные дети уж точно таких вещей не видали! Пакет получился довольно-таки увесистым, и Вовка стал думать, как дотащить его до ракеты. А может, лунатик ракету прямо к дому подгонит? Ожидание было таким мучительным, что Вовка места себе не находил. Он слонялся из угла в угол, перекладывал на секретаре тетрадки и учебники, путался на кухне у мамы под ногами, хлопал дверцей холодильника и всем ужасно надоел. Первой не выдержала мама:

- Знаешь что, сынуля, - сказала она, - по-моему, каникулы тебе никакой радости не доставляют. Телевизор смотреть ты почему-то дольше пяти минут не можешь, читать даже не пытаешься, а дверца холодильника оторвется скоро. Отвезу-ка я тебя на пару дней к бабушке.

Раньше бы Вовка с радостью согласился, а сейчас ему чуть плохо не сделалось. Это же далеко! Вдруг его там лунатик не найдет?

- Мамочка! – заголосил Вовка, - мне к бабушке никак нельзя! У меня с математикой что-то не очень, и Марина Терехова обещала на каникулах позаниматься со мной, как раз сегодня и завтра. Не поедет же она через весь город к бабуле! До занятий час остался, вот я и нервничаю.

Мама встревожилась:

- Как это у тебя не очень с математикой? И почему ты раньше молчал? Да и Ольга Дмитриевна тебя на собрании хвалила.

- Мам, ну ты же знаешь, Ольга Дмитриевна такая добрая, она всех хвалит! А у меня в последний раз, когда к доске выходил, пример почему-то не решился. То есть решился неправильно.

- Тогда, конечно, никаких бабушек. Может, я могу тебе помочь? Или папа?

- Не надо, отдыхайте, - разрешил Вовка. – К тому же, чтобы мне помогать, вам придется с самого начала учиться, у нас знаешь, какие задания трудные!

Мама снисходительно улыбнулась, подумав про себя, что никаких сложностей в учебнике для первого класса взрослый человек найти не сможет, и была совершенно не права. Вовка кое-как прождал час, оделся и побежал к Тереховой. Марина Терехова жила в соседнем доме и очень Вовке обрадовалась. Никакой помощи в трудной науке математике Вовка у нее просить не стал, потому что давно сам разобрался со сложным примером. Стали думать, во что играть. Терехова настойчиво подсовывала Вовке кукол, но разве это мужская игра! А потом Марина сама, честное слово, Вовка ничего ей не говорил, предложила играть в космонавтов! Вовка согласился сразу: во-первых, просто интересно, во-вторых, очень в тему, а в-третьих, совсем не мешает перед настоящим полетом потренироваться. Ракету построили из стульев и одеял, взяли в нее печенья и лимонада, Терехова еще кукол в нее натолкала – пошевелиться нельзя! Вовка было возмутился, но Терехова объяснила, что рейс у них коммерческий, все куклы – пассажиры, и даже показала закладки для книг – билеты. Ну, раз билеты есть, пришлось мириться с теснотой и давкой. Полетели. На Луне вышли из ракеты, выгрузили кукол и стали придумывать, кто что видит:

- Вот лорик побежал! – кричал Вовка и звал: - Лор-лор-лор, иди ко мне, глазастенький!

- А вот плывет морик! – сочиняла Терехова и тоже подманивала неизвестно кого, - мор-мор-мор!

Хотя никаких мориков, скорее всего, на Луне быть не могло, в чем им там плавать?

- Нет на Луне воды, - буркнул Вовка.

- А вот и есть! – заспорила Терехова, - там и моря, и океаны есть, и проливы!

Да, где-то Вовка, вроде, про лунные моря слышал, поэтому спорить не стал и пожалел, что так мало лунатика расспрашивал. Но ничего, скоро сам все увидит! И вдруг:

- Ой, насили тебя нашел!

- Лунатик! – заорал Вовка.

- Точно! – поддержала Терехова, - маленький, красненький, и скачет, как лягушка!

Вовка сразу засобирился, чем ужасно расстроил Марину:

- Ну вот, только разыгрались, так сразу уходить!

- Дела у меня, - загадочно улыбнулся Вовка и, накинув пальто, проскользнул за дверь.

Лунатик прямо на лестнице запищал в ухе:

- Быстро я справился, можно вылетать хоть сейчас.

- А ракета где?

- Тут недалеко, на стройке заброшенной. Пройти придется.

- А маме чего скажу?

- Ничего. Ты же здесь в своем человеческом виде останешься, а полетят у тебя как бы только мозги.

- И как я тут без мозгов буду справляться?

- Твоих мозгов сразу на два места хватит, - успокоил лунатик, - вот если ты сидишь зимой на уроке и о лете мечтаешь, ты одновременно и в классе находишься и на даче, или там, на берегу моря. И ничего!

- Очень даже чего, - заявил Вовка, - если очень замечтаешься, можно прослушать, что учительница говорит, а потом она спросит тебя что-нибудь, а ты такую чушь ляпнешь – весь класс со смеху умирает!

- Да, бывает, - поддержал лунатик, - но у тебя-то – каникулы!

- Мало осталось, - вздохнул Вовка.
- Ладно, не жадничай, - строго пискнул лунатик, - неизвестно еще, может, в первый же день обратно запросишься.

Предложение лететь прямо сейчас было очень неожиданным, хоть Вовка его так ждал, что устал даже. Просто очень много вещей, связанных с полетом, осталось недоделанными.

- А еду с собой взять, а игрушки, а флаг, а землю? – забормотал Вовка. – Давай домой на минутку заскочим!
- График у меня, гра-афик! – протянул лунатик. – По этому графику, как только загрузишься – сразу вылетать надо. И потом, ты что думаешь, у меня ракета резиновая? Все свободное место ольхой забито. Еда тебе не понадобится, флаг крючника сделать попросим, а земли, конечно, надо взять, стройка огорожена, собак там нет. Решим этот вопрос.
- А как же полечу, язык не выучив! – чуть не заплакал Вовка. – Посмотреть интересно, что и говорить, но ведь знать хочется, о чем вокруг тебя разговаривают!
- Не бери в голову, - успокаивал Вовку лунатик, - у нас, в вашем понимании, разговаривать вообще невозможно. Без атмосферы звук никак не распространяется. Вместо звуков у нас световые сигналы, и если я говорю, что лорик, например, шипит, или кто-то крикнул, на самом деле значит, он сигнал световой послал, посветил или мигнул. А выучишься быстро. Вот сколько ты в садике английским занимался?
- Два раза в неделю.
- А в школе сейчас?
- Тоже.
- А здесь тебе волей-неволей придется все учить постоянно. Сам не заметишь, как полунатски заговоришь, то есть засветитишься.

Вовка, раздумывая, чем он будет светиться, вышел к заброшенной стройке. Лунатик показал место, где плиты бетонного забора слегка разошлись от времени, и Вовка протиснулся в узкую щель. Вокруг вздымались горы мусора, земля была изрезана канавами, огромные ямы не смог засыпать недавно прошедший снегопад.

- Красиво, правда? – дрожащим голосом спросил лунатик. – Как на Луне.

Вовка в ответ что-то промычал и полез на кучу битых кирпичей. В центре площадки было сложено основание фундамента, туда и надо было добраться. Вовка то съезжал по крутым склонам, то карабкался вверх, особенно глубокие ямы приходилось обходить, ноги то и дело проваливались в коварные, скрытые под снегом ямки поменьше, за ботинки цеплялась проволока и железяки неизвестного назначения. Стало жарко-жарко, пришлось сначала снять перчатки, потом шапку, потом пальто расстегнуть. Да, не зря мама говорила, что на стройке делать нечего. Бедные лунатики, как они только на Луне своей живут? Когда Вовка добрался до больших бетонных брусков, вросших в землю, от него валил пар, как от выкипающего супа.

- Ну, и где ракета?

Лунатик захихикал.

- Смотри внимательнее.

Вовка пригляделся. Один брусок был овальным. Вовка смахнул с него снег. Брусок оказался совершенно прозрачным. Вовка ахнул: внутри, среди аккуратно сложенных ольховых дров подмигивали и искрились тысячи разноцветных лампочек. Тут у него из-под ног оторвался и поплыл к кораблю комок влажной, прикрытой белой шапочкой снега, земли, не встретив никакого сопротивления со стороны прозрачной оболочки, залетел внутрь и уютно устроился под дровами. А наружу, наоборот, вылетел стакан с зеленоватой жидкостью и завис перед лицом.

- Пей, пей, - настойчиво зашептал лунатик. – Это ничего, что невкусно, ну, нос зажми, что ли.

Вовка, увертываясь от настырного стакана, завертел головой, стараясь запомнить Землю, но ее как раз загораживал забор. А здесь был лунный пейзаж. Лунный. Вовка зажмурился, приоткрыл рот, и, стекая на подбородок, туда потекла вкусная, сладкая, пахнувшая ананасом и малиной, жидкость. Сразу стало радостно и легко-легко, так легко, что Вовка подпрыгнул, одновременно открыв глаза. У стоящего на земле Вовки закружилась голова, потому что он вдруг увидел стройплощадку сверху. Вовка покачнулся и сел на обломок кирпича. А тот новый, никому не видимый Вовка быстро пошел на посадку, сам испугавшись высоты, на которую взлетел. Вовка, сидя на кирпиче, одновременно невидимой пылинкой удобно разместился между осиновыми поленьями, прозрачный овал еле слышно загудел, вырвался из зажимавших его бетонных блоков и плавно ушел в хмурое зимнее небо.

ПОЛЕТ

Вовка долго не уходил с площадки, привыкая к ощущению полета. Он один раз летал на самолете, но тут никакого сравнения с путешествием на неуклюжей стальной громадине не было. Самолет везет тебя, так же как лошадь или машина, только не по земле, а по воздуху. А здесь – сам летишь. Прозрачные стены не мешают видеть, и лишь дрова загораживают обзор. Невидимый Вовка легко с этим недостатком справился, переместившись в самый нос ракеты. Ему было совершенно непонятно, чем же он видит. Похоже, глаз у него не было вовсе, впрочем, рук и ног тоже.

- Лунатик! – позвал Вовка несуществующим ртом и удивился звучанию своего голоса. Голос был, как у бабушкиной канарейки: нежный и тоненький.
- Нравится? – откликнулся невидимый друг.
- Спрашиваешь! – чирикнул Вовка, - Не то слово! А как это у меня чирикать, говорить то есть, получается, когда меня самого не видно? И ты пищишь без рта. И слышим мы друг друга без ушей, и без глаз видим все.
- Это загадка. Такая загадка, что даже лунатик, который уменьшающий напиток изобрел, ответа не знает. Ученые таких, как мы с тобой сейчас, в разные микроскопы разглядывали, поливали какими-то препаратами, но так ничего и не поняли. Ясно только, что мы живые и помним все, что знали до уменьшения. Можем еще усилием воли превратиться во что-нибудь, что мы хорошо знаем.

Вовка тут же захотел испробовать новые возможности и уже почти захотел превратиться в собаку, но вовремя сообразил, что собака в такой маленькой ракете не поместится, и стал стараться превратиться в муху. Он представлял себе, какая она маленькая, черненькая и гадкая, как противно моет лапки после того, как насажает ими миллион микробов на еду, как она заразным хоботком плюет на кусочек яблока, чтобы его растворить и всосать в себя вместе со слюнями. Все представлялось так красочно, что Вовку чуть не вырвало, но ни крыльев, ни пакостного хоботка он не приобрел.

- И не старайся, все равно ничего не получится, - пропищал лунатик.
- Чего ничего? – стараясь сделать чирикающий голос одновременно бесхитростным и удивленным, спросил Вовка.
- Превратиться.
- А откуда ты знаешь, что я превратиться хочу?

- Как же! – хмыкнул лунатик. – Как только кто узнает, что превращаться может, так только и делает, что превращается и превращается, не остановить. Интересно ведь! Да и молчал ты подозрительно долго.
- Ну и почему это я не превращаюсь?
- Я же объяснял, что изучали нас, поливали всем подряд, так и наткнулись на один раствор, который позволяет любую внешность приобретать. Тебя-то этим раствором не обрабатывали.
- Слушай, обработай меня, а? Чего тебе стоит? – загорелся Вовка.
- Нет, не могу, - засмеялся лунатик, - нет у меня здесь такого раствора. Для обработки еще нужно разрешение получить. А то у нас один раз случай был, рассказать – не поверишь! Лунатики-школьники, они такие любопытные! Закатились раз на ракетодром, залезли в лабораторию. Там сначала уменьшились, потом облились превращающей жидкостью и, как ни в чем не бывало, по домам раскатились. Ну, утром, как обычно, в школу пошли. И там такое началось! Уроки-то не сделали, понятно, некогда было. Один, когда его учительница к доске вызвала, со страха в такого маленького летунчика превратился, корама. Это вроде комара вашего. Другой, наоборот, в ведмедя огромного, это чтобы его никто и не захотел спрашивать. А на перемене по полной программе оторвались. Кто голюшкой скачет, кто пищерицей по стенам бегает, кто черепахой ползет! Пришлось даже лимицию вызывать и всех потом превращать обратно.

Но о чем лунатик пищал дальше, Вовка уже не слышал. Стройплощадка превратилась в прямоугольник размером с кухню на котором, задрав голову вверх, застыл земной Вовка. Потом – в листок бумаги, и Вовку уже было не видно, но Вовка небесный чувствовал, что тот, земной, не уходит, а все глядит в мрачное небо, и снежинки тают, не долетев до его горячего, поднятого вверх лица. Потом стройплощадка исчезла, и город вокруг нее тоже начал сжиматься, отчего исчезала его неровность и разноэтажность. Теперь внизу лежала незнакомая карта, светящаяся мягким желтым сиянием.

Попискивали приборы. Да нет, это лунатик старался допицаться до Вовки:

- Ну, придумал или нет?
- Что придумал?
- Ну сколько раз говорить можно! Последний раз повторяю. У нас такая традиция: кто в космос летит, должен себе космическое имя выбрать. Вот мое настоящее имя – Клаф, а космическое – Раф. Ты меня, конечно, можешь звать, как хочешь.
- А можно лунатиком? Я привык уже.
- Можно-то можно, только как на Луне быть? У нас там нелунатиков не бывает.
- Ну, Раф, что ли. А про себя мне ничего в голову не приходит.
- Я вот что тебе посоветую. Ты свое имя немного измени, чтобы похоже было. Букву первую поменяй. Был Вовка, а стал, например, Совка. Или подбери слово по рифме: Вевка там, Морковка.

Никакой морковкой Вовке становиться не хотелось, и он начал бормотать, подбирая рифму к своему имени: «Циновка, ловко, остановка». Все не то. Лунатику, прислушивающемуся к жалобному бормотанию, пришла в голову замечательная мысль:

- Слушай, у людей ведь фамилии есть! Можно ее использовать. У тебя какая?
- Петров.
- Ну и отлично. Был Вовка, стал Петька.
- Ничего не отлично, - обиделся Вовка, - не нравится мне. Пусть уж тогда я буду Геракл или Рэмбо.
- Дело хозяйское, - вздохнул лунатик Раф, - а все же я бы посоветовал какую-то связь между старым и новым именем оставить. Так удобнее, честное слово.

И тут Вовку осенило:

- Придумал! – завопил он, - Вовкас! И менять почти ничего не надо, и звучит красиво, как будто я иностранец какой, и еще на певца одного, Витаса похоже. А голос у меня сейчас еще лучше, чем у него. И Вовка-Вовкас от радости спел припев песни про ветер, что раньше ни у него, ни у кого другого, кроме Витаса, не получалось:
- А-а-а-а-а!

Снаружи ничего интересного видно не было, просто какая-то грязно-белая муть, которая то густела, то словно разбавлялась чем-то невидимым и прозрачным.

- Зря вечером полетели. Ничего не видно, - загрустил Вовкас.

Лунатик обнадежил:

- Это просто облака. Вот поднимемся выше, и на звезды налюбуетесь, и на Луну, и на Землю.

И действительно, прозрачность все увеличивалась, постепенно избавляясь от плотных мутных сгустков, и вдруг открылось черное-черное небо, все искрящееся от звезд и ослепительно сияющая, несмотря на хорошо видимые темные пятна, Луна. Внизу, лениво шевелясь, лежало толстое одеяло из облаков. Воздух был таким тонким и прозрачным, что Вовка засомневался, есть ли он вообще. Некоторое время как будто ничего не менялось, а потом в одеяле прорвались дырки. Ракета набирала высоту. Вовкас долго не мог оторвать глаз от ярких синих точек, как будто несущихся на него из бездонной пропасти, а когда смог и посмотрел вниз, увидел, что облачное одеяло превратилось в неровные обрывки, льнущие к огромному голубому шару. Где-то под одним из кусков, казавшимся снизу бесконечным, остался земной Вовка.

Вовка стоял на площадке долго-долго. Сначала казалось, что со стройплощадки хитрый воришка похищает дрова, придумав затолкать их в огромный воздушный шар. Потом шар уменьшился до нормальных размеров и его прозрачная оболочка стала не видна. Получилось, что дрова плывут в небе сами по себе, подмигивая опутавшей их елочной гирляндой. А потом остался только свет, который все слабел и слабел и совсем потерялся в мокром облаке. Но Вовка все не уходил, зачарованный ощущением полета, и прислушивался к болтовне Вовкаса и лунатика. Надо же, на земле стоишь и на облака смотришь, и тут же внутри этого облака находишься! Сначала было очень жарко, потом ветер стал приятно холодить непокрытую голову, потом стал холодить неприятно, а потом Вовка почувствовал, что замерзает, и припустил к дому. Была бы дорога ровная, враз бы добежал, но пришлось снова скакать вверх-вниз по корявым горам, и Вовка ужасно устал, правда, согрелся заодно. Уже подойдя к парадной, увидел глазами Вовкаса, или тем, что теперь ему глаза заменяло, звездную бездну и встал, как вкопанный. Было так красиво, что закружилась голова. А потом закружились звезды и, пробив защиту пальто и шапки, космический холод прильнул к Вовке и заставил его задрожать. Вовка еле-еле доплелся до квартиры и уткнулся горячим лбом в кнопку звонка. Кнопку папа специально сделал низко-низко, чтобы Вовке удобно было звонить, когда он еще совсем малышом был. Теперь-то Вовка «взрослым» звонком пользовался, надо было только на цыпочки встать. Но сегодня до него было не дотянуться – руки были тяжелыми-тяжелыми. Дверь открыла мама:

- Ой, ты что, с Луны свалился?
- Нет, - еле-еле ворочая языком, промямлил Вовка, - я еще не долетел.
- Господи, а грязный-то какой, пыльный! Ботинок порвал.

Чем больше Мама разглядывала Вовку, тем больше хмурилась, а голос у нее стал вообще сердитым:

- На улицу завтра не пойдешь! Да и не в чем, тебе, похоже, идти. Мало того, что изгваздался, как поросенок, так еще с обувью придется попрощаться.

Снимая с сына шапку, она случайно дотронулась до горячего Вовкиного лба, и, удивительно! – голос сразу стал ласковым и мягким, хотя ни ботинок не починился, ни пальто не стало чистым:

- Давай, давай, я помогу тебе раздеться, а ты ложись скорее. Температура у тебя.

У Вовки так кружилась голова, что он совсем ничего не соображал, а мама была такой ласковой, несмотря на то, что сын сделал с одеждой, что Вовка, позабыв об осторожности, решил объяснить причину своего растрепанно-рваного вида:

- Мамочка, ты не сердись за ботинки, - еле слышно шептал Вовка, с помощью мамы продвигаясь к кровати, - надо же было мне меня к ракете проводить. А то как бы я на Луну попал? А там кирпичи, железяки. Ракета в фундаменте. Зато теперь все хорошо, я лечу. И тебе не надо волноваться, я здесь. А вернусь я скоро, каникулы-то кончаются.

Рухнув на кровать, Вовка провалился в какой-то полусон, в котором благополучно долетел до Луны, и с интересом смотрел на окруживших его лунатиков, среди которых почему-то встречались обычные люди, одетые в белые халаты, точь-в-точь, как земные врачи. Потом настоящие лунатики куда-то пропали, и остались только эти, врачебные.

- Лунатики! – спрашивал их Вовка, - а почему вы на врачей похожи?

- А потому что мы и есть врачи, - отвечали лунатики. – А у тебя температура большая, сейчас укольчик сделаем, и снова на Землю спустишься.

- Не хочу на Землю, - капризничал Вовка, - мне Раф обещал, что я до конца каникул на Луне буду.

Ловко перевернув Вовку на живот, лунные врачи грозились:

- А это мы еще посмотрим! Будешь вовремя лекарства пить и горло полоскать, через два дня поправишься.

А тут кто-то как куснет за попу!

- Лорики кусачие! – завопил Вовка, - кто разрешил молнии расстегивать?

И заснул без сновидений.

ПОЛЕТ. ПРОДОЛЖЕНИЕ

Вовкас летел и летел. Луна росла, Земля уменьшалась, и от этого и та другая становились лишь прекраснее.

- Какая! Какая она! – восхищенно шептал Вовка, глядя на золотую поверхность Луны, увеличившуюся до размера таза. – Большая...

- Раньше она такой и с Земли была видна, - вздохнул Раф.

- Неужели усыхает? – испугался Вовкас.

- Нет. Но от Земли удаляется постепенно. Пройдет много-много времени, и люди вместо нее будут видеть просто маленькую звездочку. Жалко. Мы ведь тоже к Земле привыкли.

- Ну уж нет! – решительно чирикнул Вовка, - Если Луна слишком далеко от нас улетит, земляне как-нибудь придумают, чтобы на место ее вернуть. И вы поможете.

- Ну, конечно, - обрадовался Раф, - мы тоже об этом мечтаем! Одним нам ее никак не удержать.

- Ага, вот вам и придется в контакт с нами вступить! – торжествовал Вовкас, - а то рано, рано... А ведь мы на Луне все каникулы проведем? Вдруг она улетит уже? Вдруг мы Землю не найдем?

- Не волнуйся, не улетит, - успокоил Раф, - времени для этого надо гораздо больше.

- Месяц... Год... Два года... Когда совсем вырасту... - начал гадать Вовка, сам ужасаясь величине называемых сроков.

- Не волнуйся, это работка для твоих пра-пра-правнуков.

Ну, таких сроков и представить невозможно. Раз в ближайшее время Луна на месте останется, можно пока не волноваться.

А Земля-то, Земля! Надо же, какая красавица! И светит ярко-голубым, как звезды. Конечно тут же вопросы появились:

- Лунатик, Раф то есть, а почему, когда по земле ходишь, она совсем не светится? Ну, асфальт после дождя блестит, снег, трава еще летом по утрам... Но не так же!
- Так и Луна тоже не светится. Обе они свет от Солнца отражают. Про асфальт ты хороший пример привел. В пасмурный день ни за что не подумаешь, что он, такой серый и тусклый, может сверкать так, что глазам больно. Особенно если в солнечный летний день с высоты посмотреть. Когда стали первые асфальтовые дороги прокладывать, утки перелетные стаями разбивались. Летят, видят блестящую поверхность – и вниз головой! Теперь-то знают, что не только вода блестеть может под лучами Солнышка. На Земле воды много, поэтому она голубая, а лунный грунт ты видел, он беловато-серый. Лучи солнца от него отражаются, вот тебе и серебристое сияние.
- А красные планеты есть?
- Да, Марс.
- А черные?
- Есть, наверное, только я их не видел. Как может свет от черного отразиться на черном фоне?

А фон-то действительно, был таким черным, что ничего более черного было не представить. Луна приближалась, Земля удалась. Медленно все это было, скорей бы уж посадка.

- Долго лететь? – не выдержал Вовкас.
- Надоело? – хихикнул Раф.
- Нет, - запротестовал Вовкас, - просто я уже привык лететь. Ведь даже самое невероятное, когда оно долго, становится обычным. Это как весной: ждешь, ждешь, когда, наконец, в электричку сядешь и на дачу поедешь. Сначала в окно смотришь: бегут городские дома, потом кустики, полянки. Где-то снег еще остался, где-то лужи огромные разлились. В вагоне мяукают кошки в корзинах, гавкают собаки. Кажется, так интересно – ехал бы и ехал так всю жизнь! А потом привыкнешь и вертишься, как ненормальный – так хочется поскорее приехать.
- Ничего, уже недолго осталась, - успокоил Раф.

И правда, Луна загородила полнеба, и стремительно падала на корабль.

- Облетим вокруг? – спросил Вовкас.
- Конечно!

Ракета сделала два оборота вокруг Луны и пошла вниз. Ни малейшего облачка не загораживало лунную поверхность. Гор особых не видно, все ровное, если не считать как будто нарисованных кругов.

- Эй, Раф! А круги зачем? Посадочные площадки, что ли?

Раф печально вздохнул.

- Если бы! Вся Луна, считай, посадочная площадка. В том смысле, что все, мимо летящее, валится нам на головы. У вас-то – атмосфера! – с завистью протянул Лунатик, - Всякий мусор космический: метеориты, комет кусочки, пыль в атмосфере сгорают. Из-за атмосферы у вас и времена года бывают, и облака, закаты красивые. А мы в космосе безо всякого прикрытия, вот и сыплются на нас метеориты. Бьют Луну, а круги – следы от ударов. Знаешь, как несладко приходится? Когда на вас Тунгусский метеорит свалился, вся Земля вздрогнула, а долетел-то всего-навсего

небольшой кусок, основную часть атмосфера сожгла. Мы, конечно, стараемся, сжигаем разными приборами то, что подлетает, да разве за всем уследишь!

Вовке стало жалко лунатиков, он загрустил, но потом нашел чем утешить:

- А зато у вас вулканы не извергаются! Луна-то холодная!
- Да, в этом нам легче. Хотя про холодную Луну ты не прав. Луна Земли холоднее, спору нет, но внутри все равно горячо-горячо. И вулканы нам не досаждают всего каких-то лет сто, а до этого тоже извергались будь здоров!

Ракета с Рафом, Вовкасом и дровами вот-вот должна была совершить посадку.

Вопросов еще оставалось куча, и Вовкас поспешил задать самые главные:

- Раф, а как я буду на Луне выглядеть? И говорить как по-вашему? Мне ведь светить-то нечем. Фонарик, может, дашь?
- Не отвлекай! – буркнул лунатик, - а то сядем куда не надо. Выглядеть никак не будешь, в ухе моем посидишь пока. А там подумаем.

ПРИЛУНЕНИЕ

Ракета мягко опустилась в сероватую пыль. К ней со всех сторон, размахивая руками, катились на колесиках огромные светло-зеленые существа с добрыми улыбками на треугольных лицах. Вовкас ни капельки не испугался, ведь именно такими он и представлял лунатиков. Дверь ракеты распахнулась, и лунатики стали выгружать дрова. У одного неловкого великана полено выскользнуло из рук и, как бы сказал Вовкас на Земле, шлепнулось об обшивку. Или стукнуло. Или брякнуло. Но здесь все земные слова не подходили, потому что никакого стука, бряка или шлепка было не слышно. Полено совершенно беззвучно соприкоснулось с прозрачным корпусом. А вот лунатики, похоже, переговаривались между собой, потому что их три глаза безостановочно меняли цвета. Один из лунатиков аккуратно подгрел последние щепочки в кабине и, моргая, протянул руку.

- Давай друг, прыгай! – пискнуло в голове у Вовкаса и он оказался на мягкой ладони.

Потом ладонь плавно поднесла его к круглому каменному диску и аккуратно на него стряхнула. Другой лунатик тут же поднес ему огромный стакан, до краев наполненной зеленоватой жидкостью, и Вовкас запрыгнул на край, собираясь отхлебнуть. Только непонятно было, чем отхлебывать.

- Раф! – чирикнул Вовкас, - а пить-то чем?
- Ничем, - пискнуло рядом, - это для меня. Увеличивающая жидкость.
- А ты чем пить будешь?
- Тоже пока ничем. Сначала помокну, а как начну разбухать и рот появиться, тогда и начну.

Ах, как Вовкасу хотелось тоже плюхнуться в стакан и начать разбухать, но Раф, будто услышав его мысли, строго пискнул:

- Даже не думай! Сейчас вокруг космонавты, лунатики привычные, а как тебе всем остальным показываться, даже не представляю. Конечно, на Луне каждый знает, как земляне выглядят, но нос к носу столкнуться...Бабушки-лунатички запросто могут в обморок шлепнуться.

Вовка уставился на стакан, стараясь увидеть, как будет проявляться лунатик, но все равно этого момента не заметил. Просто он думал, что лунатик будет на поверхности плавать, а он у самого дна разбухал. Вовкас даже сначала не понял, что это лунатик, просто на дне стакана появилась коричневая звездочка. Звездочка распласталась в скользкий зеленый блин, похожий на камбалу, следом бодро отрастила кожистые крылья, от которых быстро избавилась, покрылась панцирем, тут же растворившимся,

отрастила хвост и шесть мохнатых лап и стала уже настолько большой, что с трудом умещалась в стакане. Тогда существо, ужасно похожее на лорика, выбралось из стакана, расстегнуло на пасти молнию и запрокинуло голову. Чья-то огромная рука подхватила стакан и влила все, что осталось, в зубастый рот. Маленький лорик встал на задние лапы, три из его шести лап стали втягиваться в туловище, а три других превращаться в руки. Длинная голова, на глазах теряя страшные зубы, превратилась в треугольную, и скоро на каменном диске стоял точно такой же лунатик, как и все остальные. Точно такой же, да не такой. Своего, родного лунатика Вовкас узнал бы даже в самой густой толпе.

Раф сошел с круга и стал обниматься с другими лунатиками, а Вовкас, на которого никто не обращал внимания, разглядывая гигантов снизу, чуть не плакал. Прилетел, называет, посланник с Земли! Никто на него внимания не обращает, не замечает даже... Да и как заметишь! Вот сейчас наобнимаются и укатят на своих колесах! Но тут Раф поднял руки вверх, и объятия сразу прекратились. Все выстроились в шеренгу и Раф, указывая на круг, долго мигал, видно произносил речь. После речи все лунатики захлопали в ладоши и низко склонились перед кругом. Вовкас даже покраснел, только никто этого не заметил. Но ниже всех, почти до Луны, склонился Раф, и Вовкас услышал знакомый писк:

- Лунатики приветствуют тебя, отважный космический гость!
- А чего это ты пицишь? – поинтересовался Вовкас, - вроде огромным стал. И как я слышу тебя? Сам говорил, на Луне ничего не слышно! Обманывал, что ли?
- Не обманывал, – низким басом зарокотал Раф, - а вопросы давай на потом оставим. Сейчас тебе надо речь ответную сказать. Не видишь, народ ждет! Им что, так согнувшись, и стоять?
- Ну ты даешь! – удивился Вовкас, - как говорить-то? Мигать не умею, кричать – не услышат. А ты лучше снова на писк переходи, а то непривычно как-то.
- Твое дело сейчас речь сказать! – сердито запищал Раф, - а я уж переведу.

Хотя никто этого не заметил, Вовкас вытянулся на каменном круге во весь рост и как можно громче прочиркал:

- Дорогие лунатики! Я очень рад, что оказался здесь. Давайте дружить!

Сказать больше, вроде, было нечего. Да, коротенькой получилась речь! А все Раф виноват! Предупредил бы, так Вовкас за время полета такого бы насочинял! Раф все не переводил, ждал чего-то. Вовка напрягся и выдал, почему-то на английском:

- My name is Vovkas. Вова, по земному.

Тут все лунатики выпрямились, замигали и захлопали опять, а Раф пискнул:

- А теперь – в ухо!

Вовкас подпрыгнул, уютно устроился в ухе и стремительно взлетел до уровня лиц остальных. Вот бы на Земле так расти! Перемигиваясь и размахивая руками, лунатики покатали с космодрома. Вовкас смотрел больше вверх, чем по сторонам. Это было так непривычно – черное-черное небо. Ни облачка, ни дуновения ветерка, ни звука, кроме тех, что мог непонятно как послать ему Раф. И солнце, яркое до невозможности. Пожалуй, красиво, только привыкнуть надо. Вовкас не знал, что земной Вовка проснулся, хотя глаза и не открыл, и вместе с ним смотрит в черное звездное небо.

- Странно, - не открывая глаз, прошептал Вовка, - но красиво.

И тут же его на лба осторожно коснулась легкая прохладная ладонь.

- Бредит. А температуры нет, - тревожно сказала мама, а папа (оказывается, он тоже был рядом) зашептал:

- Дай мне, дай мне, ты ведь посуду мыла, руки нагрелись!

Прохладная ладонь вспорхнула, а лоб придавила другая: теплая и тяжелая.

- Да нет, не горячий!

Ладонь сменил мокрый шершавый язык. Значит, и Лизун решил температуру проверить. Вовка открыл глаза и сел. Ойкнул и повалился обратно.

- Что случилось? – в один голос завопили мама с папой, - больно?
- Больно! – честно ответил Вовка.
- Где?

Вовка молчал. Ну как сказать, что он на Луне вчера был, и лорик его за задницу цапнул? Подумав, Вовка решил сказать правду, но не всю:

- Меня вчера кто-то за попу укусил, может, Лизун? Рана, наверно, страшная, сидеть невозможно.

Папа засмеялся:

- Какая там рана! Тебе врачи укол сделали от температуры.
- Лунные? – неосторожно спросил Вовка.
- Опять двадцать пять! – почему-то огорчился папа. – Наши, земные врачи. Что-то тебе последнее время инопланетяне мерещиться стали. Вот поправишься, снова сходим в планетарий. Там здорово. Небо, как настоящее, даже лучше. А лектор про все планеты расскажет. Когда мы там последний раз были? Год-то точно прошел. Тогда лектор говорил, что в солнечной системе нет обитаемых планет, кроме Земли. Во всяком случае, год назад точно не было, - поправился папа.

Вовка с жалостью посмотрел на папу. Надо же так ошибаться! Все-таки не очень честно, что Вовка один тайной владеет. А может, не один? Продаются ведь журналы, где на каждой странице написано о встречах с летающими тарелками, инопланетянами, зомби и привидениями. Мама один раз купила такой. Прочитала, морщась, сказала: «Ерунда» и хотела выбросить. Вовка в последнюю минуту отнял. Картинки были – закачаешься! И не только картинки, а настоящие фотографии. Вовка тогда лунатика не знал и думал, что большеголовые хилятики с огромными глазами лунатики и есть. Он попросил маму прочитать про то, как какая-то баба Маша встретила с инопланетянами, но написано было так неинтересно, что Вовка до конца не дослушал. А про фотографии мама сказала, что это и не фотографии вовсе, а фотомонтаж, такие поддельные снимки. Сейчас-то Вовка прекрасно понимал, что если кто-то, кроме него, повстречает инопланетное существо, то уж, конечно, не кинется писать об этом в журнал или газету. Непонятно только, для чего такие завиральные журналы печатают.

Вовка пошел в туалет, одновременно катаясь по поверхности Луны в ухе Рафа, и вел себя на взгляд мамы и папы странно. Глаза Вовкаса время от времени указывали на маленькие или большие ямки – следы от кратеров, и Вовка машинально их обходил или перепрыгивал. Подскакивая, вихляясь и пару раз ударившись о стены, он все же добрался, куда хотел. А мама с папой решили, что странная походка – последствия вчерашней высокой температуры.

ШАРИК ПАДАЕТ В ОБМОРОК

Когда Вовка вышел из туалета, мама с папой заботливо взяли его под руки и повели в кровать. Вовка чувствовал себя почти здоровым, но решил, что ему не мешает полежать немного, так спокойнее наблюдать за Рафом и Вовкасом.

Под черным небом среди кратеров стояли симпатичные домики. Это, конечно, был город, вот только ни на один земной город он был не похож. На Земле даже в самом коротеньком переулке дома выстроены в одну линию, ну а уж улица потому и улица, что дома в ряд стоят. Здесь же здания располагались в полнейшем беспорядке, дома стояли друг другу под самыми немислимыми углами, расстояния между одними были совсем крошечными, между другими можно было бы вставить еще один дом, а может, и два. И

было слишком много разрушенных зданий. Около них стояли лунатики с длинными крючками в руках и, моргая, делали странные движения руками. Здания от этих движений таяли.

- Раф! – чирикнул Вовкас, - это крючники, да?
- Конечно. Как поют – заглядеться можно!

Вовкас пригляделся к моргающим глазкам и как будто услышал нежную, знакомую мелодию, которой год назад лунатик прощался с детсадовским Вовкой.

- А дома зачем ломают?
- У нас иначе нельзя, - пробасил Раф, - а все метеориты проклятые! Самые большие мы обезвредить успеваем, поэтому город и живет. А мелочь проскакивает. Какой дом разрушен будет, мы обычно заранее знаем, хотя несчастья редко, но случаются. Лунатики из домов, в которые метеориты попадут, уходят и всех животных с собой берут. Им крючники сразу начинают новый дом строить. Все стараются поближе к старому месту поселиться, привычка! А поврежденные дома обязательно убирать надо, иначе бы Луна давно в огромную свалку превратилась. Пару раз пришлось весь город убирать, а потом заново отстраивать, это когда люди как раз в этом месте Луну фотографировать стали. Нам тогда временно пришлось по другим городам раскатиться. А вот и мой дом!

Вовкас оторвал глаза от крючников и удивленно вскрикнул. Между зеленым круглым шаром с прозрачными стенами и сооружением, похожим на огромный розовый муравейник скромно стоял бревенчатый домик, очень похожий на Вовкину дачу, только больше размером. Лунатик засмеялся:

- Что, здорово? Я после того, как с тобой расстался, скучал очень. Хотел сначала заказать городской дом, мы же только там встречались. Но уж очень в ваших городах дома большие. У нас не принято в один дом кучу народа наталкивать, зачем же мне столько пустых квартир? Когда за ольхой летал, на дачу к тебе заглянул, чертеж сделал. Вот крючник и удружил. Бревна, конечно, не настоящие и размер побольше, так ведь и я крупнее!

Дверь домика распахнулась и на улицу или на то, что должно быть улицей, выкатилась толстенькая лунатичка с приветливым лицом.

- Знакомься! – предложил Раф, - это моя мама, зовут Рафама.
- Вовка не знал, как можно знакомиться, сидя в ухе, но на всякий случай поклонился.
- У твоей мамы имя на твое немножко похоже, - сообщил он.
- Так и должно быть. И папино похоже – Рафапа. Что в семье самое главное? То есть кто? Ребенок, конечно! Так вот как только ребенок рождается, родителей по ребячеству и начинают звать. Очень удобно. А то дети вечно забывают, как зовут родителей их друзей. А переспрашивать сто раз стесняются. И начинается! Вместо того, чтобы по-лунатски обратиться и попросить что-нибудь, говорят: «Не могли бы Вы?», «Скажите, пожалуйста». Мою маму сначала Клафама звали, а как я имя на космическое поменял, она тоже свое изменила.

- И правда, удобно! – восхитился Вовка, - вот бы и на Земле додумались! А то у нас все наоборот, у детей отчество, похожее на папино имя, и фамилия, как у родителей.

Наобнимавшись с сыном и намигавшись (причем, Вовкас уже сумел непонятным образом разобрать слова «дорогой» и «здравствуй»), все вкатились в дом. Раф сразу бросился к лежащему на полу кверху брюхом полукрокодилу-полуящерице и расстегнул молнию на улыбчивой пасти. Оттуда мгновенно вывалился длиннющий язык и через десять минут Раф был облизан так основательно, что кое-где слюни с него даже стекали на пол. Да, не зря лориков на молнию застегивают! Одновременно лорик гладил Рафа всеми шестью лапами, отчего лунатик блаженно жмурился.

- Но-но, - мигал Раф, одновременно переводя для Вовкаса, - хватит, малышей повредишь! Я тоже тебя люблю.

Вовкас увидел, что на каждой лапе под зелеными ворсинками проступает по бугорку размером с грецкий орех. И тут язык лорика дотянулся до уха Рафа и, зацепив Вовкаса, отправился на место. Вовкас мгновенно очутился во влажной и не очень приятно пахнувшей пасти и заверещал так, что чуть сам не оглох. На особо громком взвизге верещание оборвалось, и Вовкас понял, что не сможет больше произнести ни звука – голос сорвал. У него уже было так, когда он два года назад играл в садике в пожарных. Сначала пожарной машиной выбрали Славку Милина, и он очень старался, но все равно выходило, как будто медведь рычит. А когда машиной стал Вовка, все сразу поняли, что это то, что нужно: сирена завывала, как ненормальная! Правда, выла недолго. Только как же Вовкас умудрился голос сорвать сейчас, когда у него ни рта, ни горла нет? «Похоже, каникулы на Луне закончились. И вообще, закончилось все!», - вот о чем подумал бедный первоклассник, когда за ним, наезжая друг на друга, сомкнулись жуткие треугольные зубищи.

Темнота настала, как в космосе, только без веселых звездочек, а вот шуму было достаточно. Видно, внутри лорика была атмосфера, проводившая звук: что-то хлопало, булькало, урчало и чавкало. Но все это перекрывал крик Рафа, который снаружи, конечно, мигал, но для Вовки переводил:

- Ах ты, Гуся противная! Что теперь делать? Ждать, когда ты пойдешь э-э-э? Так ведь не скоро еще, а у человека каникулы-то всего ничего!

Вот еще! Покидать лорика вместе с его э-э-э Вовкас совсем не собирался. Он застрял между плотными зубами и, похоже, намертво там приклеился. Гуся, поняла, что что-то не то сделала, и, как могла, постаралась справиться. Вовкас даже услышал, как снаружи затрещала застегиваемая молния.

- Раф! Помоги! – прошептал Вовкас, но, конечно, его никто не услышал.

Мама Рафа, с которой несчастный Вовкас и познакомиться-то толком не успел, давала сыну советы один страшнее другого. Это Вовкас понял по ответам Рафа.

- Нет, резать лорика не будем...
- Не надо его переворачивать и трясти за задние лапы...
- А вдруг слабительное малышам повредит?

А потом наступила полная тишина, только в животе у лорика что-то побулькивало.

- Рафик, миленький, - торопливо зашептал Вовкас, - не надо лорика резать! Я между зубами приклеился.

Опять затрещала молния, пасть озарилась светом, и в нее заглянул глаз.

- Ты где? Около какого зуба? – спросил глаз.
- Не знаю... Вижу тебя и глотку, а по сторонам посмотреть не могу.
- Делаем так, - предложил лунатик, - я буду по зубам постукивать легонечко, а ты, как почувствуешь, что дрожит зуб, к которому ты прилип, шепни мне. Придумаем что-нибудь.

Когда, зуб, к которому приклеился Вовкас затрясся, стало понятно, откуда выколупывать горе-космонавта. Раф принес зубную щетку и аккуратно вычистил Вовкаса на блюде да там и оставил. Ведь надо было как-то лечить сорванный голос, а как его лечить у невидимки?

- Эх, придется увеличивать тебя, чтобы ты смог горло прополоскать, - сокрушался лунатик, - в честь тебя сегодня представление в цирке дается, а там всегда так шумно, что мне с тобой поговорить не удастся, и тут-то еле слышу, что ты шепчешь. По правилам, надо бы у руководства разрешение взять, согласовать его с кое-кем, выписать квитанцию на отпуск увеличивающей жидкости, заявку подать на получение, но пока бегать туда-сюда буду, половину представления пропустим. Да

ладно, у меня в запасе есть пара-тройка стаканчиков. Сейчас замочим тебя, вылечим быстренько – никто и не узнает.

Вовкас удивился: если бы на Земле столько дел надо было сделать, не то что половина представления, а несколько дней бы прошло. Лунатик укатился в угол, порылся за печкой и вытащил бутылку из-под пепси-колы, только жидкость в ней была не коричневой, а зеленой. Вовка так и подпрыгнул на кровати. Надо же, он весь последний месяц перед школой искал, куда запихал эту бутылку, а она спокойненько стоит за печкой! Кажется, Кола протухнуть не может, мама говорила, что она из одних консервантов состоит. Раф, не пролив ни капли, наполнил жидкостью стакан и поставил рядом с блюдцем. Вовкас, которому надоел его маленький рост, с наслаждением нырнул и стал увеличиваться. Ой, похоже, ошибочка вышла. Превращался он совсем не в человека, а ни пойми во что. Почему-то у него вырос загнутый хвостик, жабры открылись.

- Раф! – как можно громче попытался шепнуть Вовкас, - не хочу я рыбой быть, они и горло-то полоскать не умеют, наверное.
- Не будешь ты рыбой, - успокоил Раф, - просто ты сейчас все стадии развития человека проходишь, пока нормальных размеров не приобретешь.

Вовка вспомнил, что Раф тоже, когда увеличивался, становился похож на лорика и еще каких-то неведомых зверей, и успокоился. Жабры с хвостом куда-то делись, и теперь в стакане плавал обычный земной мальчик, правда, очень маленький. Раф аккуратно выловил его из стакана и влил ему в рот оставшуюся жидкость. Вовкас с удовольствием осматривал свои отросшие пальцы, прыгал на настоящих ногах и даже шептал настоящим ртом с удовольствием, хотя звуков слышно все равно не было. Дышать было только как-то непривычно, потому что ничего вдохнуть было нельзя – воздуха-то не было! А Раф уже размешивал в стакане какой-то подозрительный белый порошок.

- Чем это ты меня еще поить собираешься? – забеспокоился Вовкас.
- Не буду я тебя поить. Это сода с солью – лучшее лекарство *от* горла, - лунатик зажмурился от удовольствия. – Полоскай! Я соли побольше всыпал. Вкусно!
- Лучшее лекарство *для* горла– такие вкусные леденцы, они в аптеке продаются, - возразил Вовкас. – Ты бы лучше сбегал, попросил, чтобы крючник их побольше наколдовал.

Но лунатик, наверное, когда-то подслушал мамины слова, когда она Вовку на Земле лечила, потому что повторил все слово в слово:

- Толку от этих конфет! Если не хочешь поправиться, пожалуйста, ешь всякую гадость, мне не жалко, - а потом добавил, - совсем не жалко! Сейчас целый мешок принесу, как раз до конца каникул хватит.

Вовкас испугался и забулькал во рту противным раствором. Как и на Земле, першение куда-то ушло, и дополоскав все до последней капельки,

Вовкас спросил почти нормальным голосом:

- Послушай, Раф, а вода-то у вас откуда? Неужели с Земли возите, или крючники делают?
- Ну вот еще! – засмеялся Раф, - у нас воды – завались.
- Не может быть! – возмутился Вовкас, - Я бы увидел. Ни то, что океана или моря, даже ручейка никакого нет!
- А вода, она в разном виде бывает. На Земле прямо по планете течет, а у нас в лунном грунте содержится.
- Как это? Ведь пыль одна кругом!
- Да вот так, уж поверь мне, прямо в пыли и есть. Она не такая, как у вас, а связанная.

Вовкас задумался о том, кто же связал эту пыльную воду и как это вообще может быть, но придумать ничего не успел, потому что Раф опять пихал ему какой-то стакан:

- Пей давай и уменьшайся, мне из-за тебя и так влететь может!
- Раф! – взмолился Вовкас, - дай еще капельку человеком побыть! Знаешь, как противно микробом себя чувствовать!
- Знаю! - вздохнул Раф, - полжизни в таком виде провел.
- Мне хуже! – запротестовал Вовкас, - ты-то привык уже, а я так мучаюсь, так мучаюсь!

В это время мама Рафама размигалась так тревожно, что Вовкас с перепугу разобрал почти все слова:

- Допрыгались! Сейчас Шарик увидит инопланетное земное существо! Ой, что будет!
- Одновременно с этим открылась дверь и в комнату вкатилась маленькая, чуть выше Вовки лунатичка. Колесики ее были украшены кокетливыми бантиками, а темно-зеленые ресницы вокруг глаз были такими длинными, что Вовкас даже рот раскрыл. Маленькая лунатичка несколько секунд, не отрываясь, смотрела на Вовкаса, и мальчик уже готов был широко улыбнуться, но вдруг глазки малышки несколько раз вспыхнули и тут же погасли, как будто внутри ее произошло короткое замыкание. Колеса разъехались в разные стороны, лицо стало почти белым, и зеленореснитчатая красавица повалилась на струганные доски пола.

ПЛЕЕР, КОТОРЫЙ НЕ ИГРАЕТ

Как нехорошо получилось! Вовке стало стыдно за лунного двойника. Раз уж попал в гости, надо слушаться старших! Подумаешь – несколько дней потерпеть непривычный размер! А теперь вот лунная девочка, потеряв сознание от страха, валяется на полу. Девочки, они такие... Непонятные. Одни злые, другие нежные очень. С первыми церемониться нечего, а со вторыми надо быть аккуратным и ласковым, а не пугать своим ножищами и двуглазым лицом. В дверь постучали. Странно, обычно родители просто так входят. Вовка, переживающий за бедняжку, что-то буркнул, и на пороге появилась Марина Терехова. Только ее сейчас не хватало! А Вовка-то так увлекся, что и не слышал звонка, значит, мама дверь открыла. Марина, пряча руку за спиной, робко прошла к кровати, присела на краешек стула и аккуратно расправила блестящее синее платье.

- Я звонила тебе, но твоя мама сказала, что ты заболел. Я подумала, что тебе скучно, и пришла. Хочешь, в путешествие на Луну доиграем?
- Вот еще! – буркнул Вовка и стал досматривать происходящее на Луне. Очень уж он переживал за лунную девочку. Он даже глаза закрыл, чтобы Маринка не мешала, и, когда Раф поднимал бедняжку с пола, руки в стороны развел, будто помогая лунатику удерживать Шарика. На руку Вовке упало что-то горячее. Он открыл глаза. Вторая слезинка быстро-быстро пробиралась по Марининой щеке и собиралась сорваться вниз. Вовке стало стыдно. Только что Вовкаса ругал за безобразное отношение к чужой девочке, а сам тут же свою, земную, обидел.
- Ой, Мариш, прости! – забормотал Вовка, - это из-за болезни все. Ничего не соображаю. Даже не узнал тебя вначале. Очень, очень рад тебя видеть! Ты что-то хотела? У меня уши немного заложены, не расслышал. Может, доиграем в путешествие на Луну?

Марина всхлипнула, улыбнулась, кивнула и протянула Вовке спрятанный за спину апельсин.

- Здорово! – обрадовался Вовка. – Где это ты такой огромный лунный плеер достала? Там музыки, наверное, на целый час записано. Будем слушать?

- Будем! – радостно поддержала Марина, включаясь в игру. – Только слушать надо внимательно, болтать и шуметь нельзя, - строго прибавила она.
- Конечно! Полная тишина, - радостно поддержал Вовка, надавил на оранжевый бок и стал спокойно наблюдать, что происходило на Луне.

Никакой музыки, там, конечно, не было. Рафама брызгала на треугольное личико водой. Раф тревожно пищал:

- Быструю надо вызывать!
- И рассказать все? – спрашивала мама, – Так тебя же из космонавтов в два счета исключат!
- А если Шарик не очнется?
- Уже очнулась, по-моему, просто глаза открыть боится.

Раф повернулся к Вовкасу и замигал ему, чтобы он спрятался за печкой. Шарик разлепила зеленые ресницы и с трудом замигала. Свет ее глаз был таким ослепительным, что в темном пространстве между бревнами и покрашенными мелом кирпичами Вовкасу было видно каждое слово:

- Что? Что это было? – лепетала Шарик. – Это землянин?
- Ну, землянин, - нехотя подтвердил Раф, - что такого? Ты что, никогда их не видела?
- Живых? Нет, конечно. Только на фотографиях.
- Ну, и чего испугалась? Прямо, как маленькая...
- Я большая! – заявила девочка, - и знаю, что земляне на Луне не водятся. Это все равно.. Все равно как марсианина живого встретить! – выпалила она.
- Подожди, может и встретишь еще, - обнадежил Раф, - а землянин... Все программы без конца передают, что у нас с кратковременным визитом первый гость с Земли. Неужели не видела?
- Какое там! – всплеснула сразу всеми руками Шарик, - наш дом под метеорит два дня назад попал. Крючник только сегодня новый закончит. Я думала, вы знаете.
- Извини, милая, - ласково промигал Раф, - я ведь только что с Земли вернулся, даже с мамой поговорить не успел. И это именно я привез землянина, - лунатик гордо выставил вперед подбородок. Впрочем, он тут же убрал его.
- Шарик, не говори никому, что ты его видела, - жалобно попросил Раф. – Влетит мне.
- Почему? – удивилась девочка, - ты же сам говорил, что все об этом знают.
- Не разрешено ему в своем земном виде у нас показываться, мало ли кто как отреагирует...

Шарик, уже отреагировавшая не лучшим образом, очень мило позеленела и стала горячо уверять Рафа, что самым большим желанием всей ее жизни было познакомиться с инопланетянином и умолять разрешить ей хоть одним глазком еще разок взглянуть на него.

Так как Раф в нерешительности мялся, она тонко намекнула, что в этом случае она точно будет хранить молчание, а вот в противном может не выдержать и поделиться секретом с подружкой. Раф сдался:

- Ладно уж, вылезай, - вяло промигал он.

Вовкас осторожно высунулся из-за печки.

- Ой, - замигала Шарик, - какой смешной. И совсем не страшный.

Вовка вылез уже весь. Шарик разглядывала его со всех сторон.

- Точно, настоящий. Одно дело на картинках вас рассматривать, и совсем другое, когда на самом деле. Слушай, а тебе, наверное, очень неудобно с двумя руками и глазами. И без колес. Не представляю, как можно твоими палками передвигаться!
- Можно-можно, заверил Вовкас, - я на своих палках еще тебя обгону, спорим!
- Спорим! Пошли на улицу!

- Да вы что? – испугался Раф, - хотите весь народ распугать? Шарик, ты же обещала соблюдать конспирацию и не выдавать меня! А ты пей давай и уменьшайся. Опаздывать нехорошо.
- А куда вы опаздываете? – спросила Шарик.
- Да, ты пропустила очень много, - покачал головой Раф, - специально для землянина сегодня в цирке представление будет. С черепахами.
- Тогда я с вами пойду! – заявила Шарик, - это такой номер, такой! Представляешь, - обратилась она к Вовкасу, - сколько времени надо, чтобы черепаху выдрессировать?
- Не представляю, - честно ответил Вовка. – Особенно, если ваши черепахи на наших черепах похожи. Как говорит моя мама, наши только ползают и э-э-э...

Перед Вовкасом опять оказался стакан.

- Ты невидимкой станешь, как космонавты? – спросила Шарик.
- Вовкас обреченно кивнул.
- Ой, как здорово! Я тоже хочу попробовать. У нас девчонок в космонавты не берут. Раф отвернулся, чтобы поговорить с мамой, а Шарик быстро схватила стакан и, скривившись, выпила зеленую жидкость. И пропала.
 - Готово? – весело спросил Раф.
 - Готово, - со вздохом ответил Вовкас.
 - Вот и чудненько! Молодец, все выпил до дна! Сейчас стаканчик сполоснем и покатаемся!

Раф внимательно осмотрел пустой стакан, перевел глаза на Вовкаса, опять на стакан...

- Ничего не понимаю... - пробормотал он, - должно было подействовать. Жидкость точно была уменьшающая. И где Шарик?
 - Не говори ничего! – шепнуло в ухе.
- Вовкас колебался. Очень не хотелось подводить Шарика, но ведь и лунатика обманывать нельзя. Потом, Рафу грозили страшные неприятности, а что будет Шарик за выпитую зеленку? Ну, поругают, ну отшлепают... Да и отшлепать-то ее сейчас невозможно.

Вовка набрал в грудь воздуха и сказал:

- Зеленку Шарик выпила. Я пошутить хотел, и сказал, что это Пепси-Кола с Земли. Предложил попробовать. Я думал, что Шарик струсит, а она храброй оказалась. Попробовала очень быстро и до дна.

Раф схватился за голову.

- Вот что! – заявил он, оторвав руки от головы, - делать нечего, На представление мы точно опоздаем. Но лучше немного задержаться, чем вообще не прийти. Опозданию объяснение какое-нибудь придумаем. А я сейчас быстренько к своему другу скатаюсь. Одно колесо здесь – второе там! У него увеличивающая жидкость есть. Ждите, из дома не выходите, никому не открывайте и по мигафону не мигайте. Да я его лучше вообще отключу, – с этими словами Раф задернул шторкой небольшой ящик на стене, напоминающий телевизор, и выкатился из дома.
- А у нас на Земле тоже Мегафон есть. Только я не видел его никогда. Его, кажется, вообще нельзя увидеть. А здесь – пожалуйста! Да, в технике мы явно от вас отстали.
- А какой у вас мигафон? – спросила Рафама, - и как по нему мигать, если его самого не видно?
- По нему не мигают. Это связь такая для мобильных. А связь не видно, но ее можно купить и пользоваться.
- Ничего не поняла, - вздохнула Рафама, - наверное, у вас какой-нибудь другой мигафон.
- Да я и сам не конца понимаю, хотя мне папа несколько раз объяснить пытался.

- Все! Пленка кончилась! – закричала уставшая сидеть в тишине Марина, - в следующий раз другой плеер принесу. А по лунному обычаю, прослушанный плеер съесть надо, чтобы звуки навсегда с тобой остались. Давай, чисть!

СОРЕВНОВАНИЯ НА КОНЬКАХ

Пока ели апельсин, было тихо, и Вовка мог спокойно досматривать, что происходит на Луне. Ничего интересного не было, потому что Вовкас вдруг раззевался.

- Рафама! – спросил он, - а когда солнце зайдет? Кажется, я здесь уже целый день, а он все не кончается.
- Да что ты! – отозвалась лунатичка. День только начался, а кончится недели через полторы по-вашему.
- Так, - попытался считать Вовкас, - на Земле сутки – это двадцать четыре часа. Если эту кошмарную цифру на четырнадцать дней умножить, получится, сколько часов в ваших сутках. Да нет, две недели – ведь это только день, чтобы сутки получить, надо еще раз все на два умножить. Только мне ни за что это не сделать. Но, кажется, много получается.
- 672 часа, – сказала Рафама.
- Ничего себе! Сколько же тогда длится лунный год? Сто наших лет, наверно.
- Ну прямо! Год такой же, как на Земле. Мы же оборот вокруг Солнца вместе делаем.
- Может, и вместе, - зевнул Вовкас, - только я не привык к вашему дню длиннющему, спать ужасно хочется. До вечера, который наступит только через полторы недели, мне не дотерпеть.

Рафама быстро разобрала кровать, и Вовкас еле-еле добрал до подушки. Заснул он мгновенно, Рафама села довязывать круглый носок на колесо, и Вовка, поняв, что ничего интересного в ближайшее время на Луне происходить не будет, вернулся на Землю.

- А теперь, - заявил он Марине, которая устала молча сидеть на стуле, я превратился в лунатика. И мы сейчас устроим соревнования по бегу между командой землян и жителями Луны. Только мне колеса какие-нибудь надо к ногам привязать.
- Зачем? – удивилась Марина.
- Потому что у лунатиков вместо ног – колеса.

Марина надулась:

- Понятно, на колесах любой дурак выиграет. Попробуй, обгони машину или велосипед! Тогда лучше я лунатиком буду!
- Будем по очереди, это честно. Но все же я первый, ведь это я про колеса придумал.

Марина согласилась, и покорители космоса стали подыскивать подходящие колеса. Колесо, которое папа катал во время гимнастики, Вовка сразу забраковал. Он попытался один раз повторить папино упражнение: встал на колени, ухватился покрепче за пластмассовые ручки и слегка подтолкнул колесо вперед. У папы оно плавно катилось по полу, а сам папа медленно тянулся за ним, пока не оказывался лежащим на полу. Потом так же медленно распрямлялся, подтаскивая колесо к себе. У Вовки же колесо резво рвануло вперед, удержать его было совершенно невозможно. Ковер прыгнул навстречу и больно ударил по носу. Даже кровь пошла. Нет, если такую штуку к ногам привязать, совсем без носа останешься! Поэтому остановились на двух игрушечных машинках. Они все равно уже ломанные были: без стекол, дверок, а одна даже без кузова. Сначала Вовка собирался их к тапку гвоздиками прибить, но Марина

отсоветовала – родители за продырявленные тапки заругают. Пришлось браться за скотч, тем более кое-какой опыт по изготовлению космической одежды Вовка уже имел. Пока Вовка сидел на кровати и оснащался колесами, все было замечательно, но как только встал, началось безобразие. Идти было просто невозможно! Ноги разъезжались в разные стороны, норовили упрыгать вперед, оставив Вовку сзади, или оставались на месте, не обращая никакого внимания на ушедшего вперед хозяина. Вовка выполз в коридор, и там, раскачиваясь во все стороны, наклоняясь вперед и назад и держась за стены, попробовал обогнуть Терехову. Мама выглянула из кухни с дымящейся в руках кастрюлей и закричала страшным голосом:

- Немедленно в постель! Вон как тебя качает!

Понятно, Терехова давно уже была в конце коридора и прыгала там на одной ножке, дразнясь:

- Земляне победили! Земляне победили!

Выскочивший на крик папа еле успел подхватить заваливающегося набок сына.

- Ох, видно совсем плохо тебе, - сокрушался он, поддерживая Вовку на пути в комнату.

- Хорошо, - возражал Вовка, повиснув на папе и волоча непослушные ноги.

Выяснив, что неустойчивость ребенка вызвана не болезнью, а техническими приспособлениями, родители разрешили Вовке ненадолго зайти в гости к Марине. Вовке не очень хотелось,, но Марина так загадочно намекала на какой-то сюрприз, что он в конце концов согласился. Уже на лестничной площадке Марина не выдержала:

- Мы у меня дома соревнования продолжим. И я тебе настоящего лунатика покажу. На колесах.

Вовка задержал дыхание. Неужели и у Тереховой есть свой лунатик, да еще не ушной? Ох уж, эти девчонки! Разве можно им тайну доверить? Болтать о таком! Хорошо, что дальше Вовки это не пойдет. А может, Маринка все выдумала? На всякий случай о своем лунатике Вовка решил пока молчать.

Выйдя на улицу, ребята наткнулись на Эльдара, который, как всегда один сидел на скамейке.

- Привет! – грустно сказал Эльдар, - вы куда?

- На роликах кататься, - буркнула Марина, а Вовка ничего не сказал, даже отвернулся.

А чего такого? С Эльдаром никто в классе не дружит. Пусть еще спасибо скажет, что Вовка его просто не замечает. Вот девчонки, кроме Марины, конечно, совсем ему проходу не дают, бомжом обзывают, хотя живет же он где-то со своими черными братьями и сестрами?

- Можно с вами? – безнадежно спросил Эльдар.

Никто ему отвечать не стал, конечно. И глаза у Эльдара стали темными-претемными, они всегда становились такими, когда ему давали понять, что нечего лезть к НОРМАЛЬНЫМ детям. «Вот и пускай злится!» - подумал Вовка. Он всю первую четверть просидел рядом с Эльдаром и понял, что это не очень хорошо. Как будто это соседство его самого делало чуть-чуть чернее и непохожее на остальных. И весь класс к Вовке относился чуть хуже, чем он этого стоил, как будто была какая-то лестница, на ступеньках которой стояло по ученику, и Вовка был где-то внизу, рядом с Эльдаром. А потом Вовка сказал Ольге Дмитриевне, что ему слышно плохо, и во второй четверти сидел рядом с Ильей, которого в школу возили на джипе, хоть дом его был в трех шагах от школы, и который уже успел побывать и в Африке, и в Индии, и в Германии. И надо же – Вовка-то нисколько не изменился, но тут же вскарабкался по ступенькам невидимой лестницы чуть ли не на самый верх!

В квартире Терехова предложила Вовке раздеться, но в комнату не пригласила, заявив, что ей нужно время, для того, чтобы подготовить встречу двух миров. Вовка томился и

нервничал в коридоре. Наконец, из-за двери послышался торжественный Маринкин голос:

- **Внимание! Приготовились! Начинаем наши соревнования! За команду землян выступает Вовка, за команду лунатиков – Марина!**

Ну, конечно, все вранье от начала до конца! Он и так-то не особо верил. Два лунатика на один класс – это слишком. Но все же Вовке стало грустно. А из-за двери неслось:

- **На старт! Внимание! Марш!**

Вовке очень хотелось выиграть, поэтому он рванул, когда дверь была еще закрыта, но почти мгновенно его обогнала какая-то молния, которая через секунду приплясывала и веселилась в конце коридора. Оказывается, Марине купили роликовые коньки! Вторая победа за день сделала нежадную Маринку доброй до безобразия. Она сама потребовала, чтобы Вовка надел коньки, а когда он начал на них падать и спотыкаться, долго водила его по коридору. А под конец и вовсе предложила забрать чудесные ботинки с колесиками на пару дней домой – тренироваться. Вовка даже не попробовал отказаться. Вот бы ему такие же купили! Дорого, небось. Марина сказала, что коньки – это подарок, а про стоимость подарков спрашивать не принято, поэтому она цену и не знает. Прижав пакет с роликами к груди, Вовка быстро засобирился домой. И на лестнице столкнулся с Мариной мамой.

- **Здравствуй, Вовочка!** – ласково сказала она, - **уходишь уже?**

- **Здравствуйте!** – отозвался Вовка, мучительно пытаясь вспомнить имя чужой мамы. Ведь он знает, знает, как ее зовут, просто из головы вылетело. В принципе, еще можно было обойтись вежливым и безликим «Здравствуйте!», но Маринына мама приветствием не ограничилась:

- **Заходи почаще, Вовочка,** - пригласила она, - **на каникулах вам поодиночке все равно нечем заняться.**

- **Зайду!** – отозвался Вовка. Очень хотелось спросить, сколько стоит уносимое им с собой сокровище, но для этого точно надо по имени обратиться. Вовка решил проделать трюк с лунными именами.

- **А сколько стоят роликовые коньки, Мариама...** - тут Вовка сообразил, что ведь надо еще и отчество добавить! Но Маринына мама тут же пришла к нему на помощь:

- **Сергеевна, Марьяна Сергеевна. Это Марина просила тебя узнать?**

- **Нет-нет, Марьяна Сергеевна. Это я сам. И Маринке не скажу. Подарок, он и есть подарок. Просто мне тоже коньки хочется.**

- **А пускай твоя мама мне позвонит,** - предложила Марьяна Сергеевна, - **у меня подруга на заводе работает, где эти коньки делают. Она подешевле устроит.**

Вовка, пока бежал домой, незаметно для себя превратил слово «подешевле» в «совсем дешево», а мама услышала от него уже «почти даром».

- **Мамочка! Смотри какая прелесть!** – закричал он с порога, вытаскивая из пакета ролики, - **это мне Марина дала на два дня. А если ты Мариныну маму попросишь, то она и нам такие же достанет!**

Мама с радостью бросилась выполнять просьбу сына, видимо, его тренировка на машинках не очень ей понравилась. Уже на завтра были заказаны коньки, а сегодня до самого вечера Вовка раскатывал на Мариныных, и к вечеру у него уже получалось не хуже, чем у подружки. Укладываясь спать, Вовка вдруг вспомнил, что, наверное, пропустил представление с черепахами, но на Луне все было без изменений: Вовкас еще не проснулся, Рафама вязала носок, а Раф даже не появился. Ничего себе: одно колесо здесь – второе там! Как будто почувствовав Вовкино недовольство, Раф, как по заказу вкатился в дом.

СОРЕВНОВАНИЯ НА КОНЬКАХ

- Соня! Подъем! – замигал он с порога, - но Вовкас, конечно, не проснулся. Хоть он удивительно быстро научился понимать речь лунатиков, но видеть, что говорят, с закрытыми глазами никак не мог. Рафама ласково дотронулась до его руки. Вовкас вскочил:
- Что? Проспали? – закричал он.
- Нет, - успокоил Раф, опоздаем немного, вот и все.
- Я так мало спал? – удивился Вовкас, - а вроде, выспался.
- Нормально спал. Просто представление с черепахами долго тянется. А сейчас вытряхивай Шарика из уха, и начнем уменьшаться-увеличиваться!
- А чего меня вытряхивать, сама вылезу, не маленькая! – пискнуло в голове и на дне одного из выставленных Рафом на стол стаканов замерцала крошечная точка. Вовкас, вздохнув, взял другой, и через несколько минут все приняли нужные размеры.
- Фу, какая гадость, эта ваша жидкость уменьшающая! – мигала Шарик, - лучше и правда, в космос не летать, чем такую сладость пить!

Рафама включила мигафон, и он тут же сердито начал переливаться разноцветными вспышками:

- В чем дело? – вспыхивал он, - сколько вас можно ждать? Мало того, что опаздываете, так еще и мигафон отключили!
- Катимся-катимся, - успокоительно мигнул Раф, - гость с Земли заснул неожиданно, пришлось подождать немного.

На улице Вовкас пытался угадать, в каком здании находится цирк. Он же всегда круглый, чтобы с любого места можно было видеть арену. На Земле круглых домов не так и много, а тут круглым было каждое второе здание. Выйдя на незастроенную площадь, Шарик замигала:

- Пришли! Пришли!
- А цирк где?
- Внизу, конечно!
- Почему? – удивился Вовкас.
- Ну как же! – разволновалась Шарик, - все самое хорошее обязательно должно быть под Луной! Ведь если метеорит попадет в цирк перед представлением, дети расстроятся! За час ведь его не построишь! Поэтому самое главное: цирки, детские площадки, школы, садики, Зоопарк прячут.
- А у нас, - пробормотал Вовкас, - под землю прячут ненужное, ерунду всякую: военные заводы и мусор.
- Глупо! – заявила Шарик, и Вовкас не стал спорить и объяснять, что на Земле так же безопасно, как и под ней.

Шарик постучала колесом по Луне, и открылось круглое окошко. Вниз вел пологий спуск. Придерживаясь за перила, Рафама, Раф и Шарик скатились вниз, а Вовкас не удержался, выпрыгнул из уха и съехал по перилам. А чего такого? На Земле не разрешают, говорят, что для спуска по лестницам есть ступеньки. А здесь нет.

Сквозь неплотно задернутые шторы доносилась веселая музыка, видны были вспышки аплодисментов. Крючник, стоявший у входа, спросил:

- Билетики?

Вовка испугался: вдруг Раф дома забыл? Но Шарик быстро промигала:

- Конечно! Четыре штуки!

Крючник достал из кармана крючок, и, напевая, стал помахивать им в воздухе. На конце крючка образовался клочок бумажки, который скоро превратился в белый прямоугольник, исписанный непонятными буквами. Даже штамп какой-то стоял. Шарик

ловко сорвала билет с крючка и крючник рассыпался в благодарностях. Он тут же принялся за второй билет, а Вовкас заерзал в ухе:

- Раф! Ты же говорил, что все из солнечного света создается. А здесь света нет. Как же билеты получаются?
- Ну, для того, чтобы билеты сделать, света совсем немного надо. Крючок полежал на солнышке и зарядился часа на три. Для всех билетов хватит.

Крючник ловко закончил с третьим билетом.

- Ну, четвертый давай! – потребовал Раф.
- Но вас же, - замялся крючник, - всего трое!
- Четверо! – закричала Шарик, - просто ты одного не видишь, он с Земли, уменьшенный!
- Раз его не видно, пусть без билета идет, - махнул рукой крючник.

Раф уже собирался шагнуть за занавеску, но Вовкас жалобно зашептал:

- Раф! Я тоже билет хочу! Пусть у меня все будет, как у настоящего лунатика!

Раф понимающе перемигнулся с крючником и важно взял четвертый билет.

В лунном цирке все было, как на Земле: круглая арена, ярусы, высокий купол. Только не было ни одной ступеньки, и вместо рядов круглых лиц мигали глазами треугольные. Вовкас уставился на арену. Да, такого на Земле не увидишь! По кругу на равном расстоянии одна от другой медленно

ползли черепухи. Пожалуй, их можно было принять за обыкновенных черепах, если бы не лишние лапы да гигантские размеры. Хотя и на Земле черепашки покрупнее Вовки водятся, просто их мало и живут они далеко.

- Второй круг заканчивают! – восторженно мигнул лунатик, сидевший рядом с Рафом.

Все смотрели только на арену, и Вовкас тоже смотрел, только ему уже через полчаса надоело. Совершенно ничего не происходило! Черепахи пошли на третий круг.

- Раф, они так и будут ползать? – спросил Вовкас друга.
- Э-э-э, - оторвался Раф от увлекательного зрелища, - нет. В конце будет гвоздь программы: все черепухи встанут на задние лапы. Да смотри ты, самое интересное пропустишь!
- А когда это самое интересное будет? – не унимался Вовкас.
- Не мешай смотреть! – рассердился Раф, - скоро уже, часа через полтора!

Ничего себе! Конечно, если ты учишься в школе лет тридцать, живешь незнамо сколько, и день у тебя тянется две недели, полтора часа пролетят незаметно, но Вовка-то к другому ритму привык, поэтому Вовкасу смотреть, как черепухи переставляют толстые лапки, быстро надоело. Он осторожно покинул ухо и отправился за кулисы. И на Земле-то упустить такой шанс было бы большой глупостью, а попасть за кулисы лунного цирка ни один ребенок даже и не мечтал, потому что кто же знает, что они есть, лунные кулисы?

Сразу у входа стояла скульптурная группа. Взрослый лунатик удерживал на задранном вверх подбородке длинный шест, а на уходящем в высоту острие балансировала маленькая лунатичка. Казалось, что колесо девочки вот-вот соскочит с ненадежной опоры. Вовкас удивился, как вся конструкция не валится вниз, даже взлетел повыше, чтобы рассмотреть, из чего сделана девочка, но материал определить не смог, и решил, что это что-нибудь легкое, вроде ваты. Как ни старался, не смог он увидеть и следов клея между колесом и шестом. Осмотрев скульптуру со всех сторон, Вовкас продолжил знакомство с закулисьем. Внутри все было заставлено клетками с необыкновенными зверями и птицами. Некоторые животные были очень похожи на земных. Вовкас улыбнулся симпатичному силенку с пушистыми хвостами и хитрой мордочкой, посмотрел, как огромный бурый ведмедь точит о пластмассовый пол кривые когти, забрался в клетку к важно прогуливающемуся между робких ручек тепуху. Тепух вдруг

захлопал разноцветными кожистыми крыльями и так оглушительно замигал, что у Вовкаса в глазах зазвенело. Он выскочил из клетки. В проходе репетировали номер два клоуна. На колеса у них были надеты длинные разноцветные носки, и они на эти носки друг другу все время специально наезжали, отчего валялись на пол. Один клоун наступил колесом на Вовкаса, и стало темно. Было ни капельки не больно, хотя обидно. Вовкас немного подождал и самостоятельно выбрался из-под колеса. Он оглянулся в поисках безопасного места и примостился на плече у скульптурной девочки. Оттуда он еще немного посмотрел на клоунов, а потом все его внимание переключилось на ротышек. Эти смешные существа, напоминающие обезьянок, так быстро гонялись друг за другом по клетке, что закружилась голова. Конечно, и земные мартышки ловко бегают по стенам и потолку, если там есть за что уцепиться лапками или хвостом, но у лунных было на две лапы и три хвоста больше, поэтому то, что выделявали они, нашим обезьянкам даже не снилось. И вдруг девочка звонко мигнула: «Ап!», подпрыгнула и полетела вниз вместе с Вовкасом, а взрослый лунатик отбросил шест и поймал ее у самого пола. У Вовкаса дух захватило от падения, хотя оно по сравнению с земным было медленным и плавным. Он отскочил в сторону и тут же дал себе слово никогда не забывать о длинных лунных сутках. Наверняка, лунным акробатам казалось, что они замерли всего на секунду, а уж о том, что их приняли за статую, даже не догадывались. К клетке с ротышками подошел дрессировщик и стал их уговаривать успокоиться, потому что следующий номер – их. Вовкас поспешил в зал, потому что ему было страшно интересно, как медлительные лунатики смогут уследить за сумасшедшей беготней обезьянок. Найдя знакомое ухо, Вовкас незаметно влез в него и снова уставился на арену. Прошел всего-то час, и вот черепухи медленно поднялись на задние лапы и замерли. Зал разразился ослепляющими аплодисментами. Постояв минут пятнадцать, черепухи уползли, и на арене появились лунные обезьянки. Да, это было настоящее чудо дрессировки, и заключалось оно в том, что из вертлявых, подвижных зверьков они превратились в еле шевелящихся копуш. За особо медленные движения бедные ротышки получали от дрессировщика кусочки колд-дога, и тут уж ни какая сила не могла заставить их медленно разжевывать лакомство. Потом были и клоуны, и знакомая девочка-акробатка, и тепушок, и жонглеры колд-догами. А потом Вовкас прямо в ухе и заснул. Видимо, на Земле наступила ночь.

СОБАЧЬИ КОНЬКИ

А на самом деле на Земле уже наступило утро. Вовка так боялся пропустить хоть что-нибудь из циркового представления, что совсем не мог спать. Такого с ним еще ни разу не случалось, даже в Новогоднюю ночь. Охота досмотреть представление до конца была сильнее желания подглядеть, как Дед Мороз (или все-таки мама?) раскладывает подарки под елкой. На цыпочках вошла мама и тут же начала ходить нормально, не как мышка:

- Ну ты даешь! В школу встать – для тебя проблема, не добудишься! А тут каникулы – спал бы себе и спал. Так нет! Всего восемь часов, а ты уже глаза таращишь! А раз проснулся, нечего в кровати валяться. Сейчас позавтракаем, и за коньками поедem.
- Ура! – закричал Вовка, и очень быстро покончил с чисткой зубов, умыванием, одеванием и завтраком.

Поездка на завод заняла полдня. Но это того стоило. Ролики продавались там не дороже домашних тапочек. Вовка так хотел поскорее их надеть, что после десяти минут непрерывного нытья мама сдалась и переобула его прямо на улице. Сделав несколько шагов, Вовка признал, что мама была права, и что заснеженные улицы предназначены

для катания на обычных коньках, а для роликов совсем не годятся, и переобулся еще раз. Зато дома он сразу надел на ноги волшебные колесики и снова начал кататься, держась за стены. Жалко, такого коридора, как у Марины, в квартире у Вовки не было. Лизун бродил рядом с Вовкой, время от времени пытаясь куснуть ботинок, но когда его нос чуть не попал под колесо, обиделся и отошел.. Через час Вовка решился отлипнуть от стен, еще через час – перестал наткаться на препятствия, еще через полчаса – делал повороты. И тут ему пришла в голову замечательная мысль: выучить кататься на роликах собаку. Ведь в цирке даже медведи это делают! Собака-то поумнее медведя будет, особенно такая, как Лизун! По размеру Вовкины и Мариныны коньки Лизуну совсем негодились, а вот игрушечные машинки вполне могли подойти. Только к лапам их привязать было невозможно. Универсальный скотч легко бы решил эту проблему, но не отрывать же его потом вместе с шерстью! У Вовки ролики для собаки ясно стояли перед глазами: это был как бы носочек из мягкой ткани с завязочками сверху, а на дне его лежала вниз колесами машинка. Где колеса соприкасались с тканью, были сделаны четыре прорези. Гениально и просто! Но воплотить свою идею в жизнь Вовка так и не сумел, только зря изрезал два кухонных полотенца и до крови укололся иголкой. Терехова! Вот кто ему поможет! Она же ходит в кружок мягкой игрушки, разных зайцев, медведей шьет... И Вовка набрал Марины номер.

Марина примчалась через секунду, и на дому открылся кружок кройки и шитья. Любая другая собака давно бы устала от бесчисленных примерок, но только не Лизун. Он безропотно подставлял толстые лапы, а Марина орудовала ножницами, вшивала машинки, продевала завязки. Вовка не дождался окончания работы, на середине первого же носка заснул, сидя на диване. Марина будить Вовку не стала, решила удивить его уже готовыми собачьими коньками. Провозилась долго. Это в голове легко представить, как все будет выглядеть, да еще не так уж и трудно сделать все тяп-ляп, но ведь хотелось, чтобы получилось и удобно, и красиво, и аккуратно! Марина даже на каждый носочек по бантику пришила, и стала будить Вовку. Вовка, повалившись на диван, мычал, отмахивался от Марины руками, прятал голову под оставшиеся от шитья тряпочки, и смог проснуться только тогда, когда его кольнула оставленная Мариной в лоскутке ткани иголка.

- Ну ты и спать! – щебетала Марина, ловко пристраивая первый ролик на собачью лапу, - прямо, как медведь!
- Как жираф, - тупо уставившись перед собой, буркнул ничего не соображающий Вовка.
- Почему?
- Жираф спит двадцать минут в сутки. И я.
- Ха-ха! Да ты только при мне проспал два часа с половиной! А ночью?
- А ночью я не спал.
- Почему?
- Бессонница у меня. Ночная.

Марина недоверчиво покосилась на Вовку, пристраивая последний ролик, но ничего не сказала. Лизун обновке был совсем не рад, и даже пробовал избавиться от нее, но хозяин сердито прикрикнул, и собака смирилась с необходимостью учиться ходить заново. И научилась даже быстрее Вовки. Можно было идти на прогулку. Марина и Вовка стали одеваться, а Лизун приплясывал у их ног на своих новеньких коньках. На лестнице сообразили, что сама спуститься собака не сможет, ухватили Лизуна за лапы и еле-еле дотащили до парадной. А потом до бульвара – ведь ехать по снегу Лизун не мог! Совсем замучились! Зато на бульваре все собачники от зависти просто попадали. На гладком, плотно утрамбованном снегу Лизун развивал такие скорости, что даже красавица-борзая Сандра не могла его догнать!

- Ну вот, а говорили, что у вас черепаха! – смеялась Помуарева, пряча за пазуху замерзший комочек размером с голубя. Арс Лонга вытягивала тоненькую дрожащую шейку, чтобы получше рассмотреть чудо на роликовых коньках. Неторопливо подошел Скэри Бум. Каждый раз, когда маленькую Арс Лонгу хозяйка брала на руки, он пытался тоже хоть как-нибудь, хоть кусочком пристроиться на хозяйке. Сейчас он нежно положил тяжелую, как кирпич, голову ей на плечо. Хотя на нем, как на всех догах, росла неподходящая для морозов шерсть, Скэри Бум ни капельки не мерз, да и не устал нисколько, просто ему было важно показать, что Помуарева и Арс Лонга - его стая.

Лизун же, несмотря на то, что теперь легко мог убежать от любой собаки, сам не мог догнать вообще никого, даже коротконого и неповоротливого старичка Хрюшу. Это был не поросенок из детской передачи, а жирненький пекинес, и имя Хрюша подходило ему даже больше, чем поросенку. Потому что телевизионный поросенок похрюкивал лишь время от времени, а пекинес хрюкал и сопел без перерыва. Это он так дышал через свой вдавленный носик.

Так вот, стоило Лизуну погнаться за собакой, она просто неторопливо отходила в сторону, на мягкое снежное покрывало газонов, и пример подал как раз Хрюшка. Лизун или стрелой проносился дальше, или, свернув на газон, застревал в рыхлом снегу и валился набок. Освоившись, он стал кататься по утопанному снегу в гордом одиночестве. И тут перед Вовкой сквозь собак и людей проступила арена, и он понял, что лунный Вовка проснулся. Ничего себе, он все еще сидел в цирке, соня несчастный! Из-за него земной Вовка пропустил столько интересного! Нет, надо как-то в такой режим войти, чтобы вместе спать, а то ерунда получается. А на арену – надо же, какое совпадение! – выкатились лорики на колесах.

- Лорики и ролики! – громко промигал под веселую музыку конферансье, и зеленые шестилапые крокодилы, задевая зрителей первых рядов длинными языками, разбились попарно и закружились в вальсе.

Вовка не удержался, свистнул Лизуна и, схватив его за передние лапы, заскользил по плотному снегу. И так у них ловко и симпатично все получалось (еще и потому, что Лизун плавно двигался на коньках), что все собачники похватили своих собак и тоже пустились в пляс. Труднее всего было Помуаревой, качавшейся под весом Скэри Бума, и хозяину Хрюши, отплясывающему на корточках; а легче всего - Марине, кружащейся с Арс Лонгой на вытянутых руках (и когда она успела забрать крошку у хозяйки?). Ну а противнее всех было, конечно, кривоногому Никанору Ивановичу, за кустами дразнившего палкой несчастного Гошу.

- Ничего! – шипел Никанор Иванович, - допляшутся они у нас! Мы с тобой еще их всех перекусаем! Подумаешь, сшили из тряпок на ноги собаке какую-то ерунду и радуются! Ты палку-то грызи, грызи, точи зубки! Зато у нас денег больше всех! Я могу по каталогу настоящие роликовые коньки для собаки заказать, или пусть лучше их мне какой-нибудь самый знаменитый модельер сделает! Вот молодец! Догрыз палочку. Ох, угощу тебя за это сейчас! – и Никанор Иванович протянул собаке заплесневевшую корочку. Гоша с жадностью набросился на угощение. Дело в том, что богатый Никанор Иванович был таким жадным, что держал свою собаку постоянно голодной, и все время присматривал, что бы у кого стащить, чтобы приумножить свои несметные сокровища. Раньше он всем рассказывал, какой он богатый и что может купить. Но его уже давно перестали слушать все, кроме добермана, вот он сейчас и расписывал глупому и злому Гоше, сколько он потратит на него денег. Бедный Гоша слушал и верил, ведь любая собака верит каждому слову своего хозяина.

Собачники наплясались и собрались расходиться. Вовка достал из кармана два пакета – один для роликов, а второй – для ... э-э-э. Да, для какашек. Конечно, не очень приятно их собирать, но, честное слово, наступать на них еще противнее. Поэтому собачники по

очереди убирала за своими любимцами, и место выгула было всегда чистым и безопасным для ходьбы. Никанор Иванович видел только, как Марина сняла и убрала в черный пакет ролики, а потом снова принялся терзать палкой Гошу. Лизун без роликов сразу не сориентировался и пытался некоторое время скользить на лапах, поэтому дети немного задержались, чтобы он снова привык ходить по-собачьи. Один пакет лежал под кустом, другой – на дорожке. Собравшись уходить, Вовка привычно нагнулся за пакетом с э-э-э, а про второй даже не вспомнил. Надо ли говорить, что пакеты он перепутал! Только дойдя до мусорного бака, он сообразил, что должен был нести два пакета! В том, что он собирался выбросить, оказались коньки. Ребята поспешили назад и увидели, как, скрываясь за кустами и поминутно оглядываясь, к дому крался Никанор Иванович, жадно прижимая к груди мешок с собачьими какашками.

РЫБАЛКА

Марина и Вовка смеялись так, что у них даже разболелись животы. Как только смех начинал стихать, один из них, еле переводя дыхание, выдавливал:

- Он... приходит... домой! Открывает... пакет! А там! – и хохот возникал с новой силой.

Да! Такой случай долго будет вызывать смех, может даже, всю жизнь. А ведь в первый момент Вовка хотел крикнуть Никанору Ивановичу, что сегодня его, Вовкина очередь убирать за собаками! Но Марина прижала палец к губам, и Вовка все понял. И правда, горе-хозяин никогда не участвовал в благородном деле уборки, так пускай хоть по ошибке сделает доброе дело!

У дверей парадного ребята расстались. Несмотря на то, что были каникулы, Маринин кружок мягкой игрушки продолжал учить всех желающих, девчонок в основном, шить набитых ватой зверей. А Вовке тоже было чем заняться – ведь приключения на Луне продолжались!

Цирк гасил свои огни. В толпе лунатиков покинул его и Вовкас.

- Ну, как представление? – спросил Раф. - И как приветственная речь нашего мэра?

Кстати, мог бы хоть словечко в ответ выдавить!

- Ой, чего тут спрашивать! – зачирикал Вовкас. – Сам-то когда в первый раз с Луны улетел, небось слов от восторга не находил! Вот и я не нашел.

«Вот олух несчастный!» – возмутился Вовка, поднимаясь по лестнице. Хотя сам он видел гораздо меньше Вовкаса, потому что половину представления пропускал то из-за собственного сна, то из-за сна своего лунного двойника, но уж благодарственную-то речь смог бы произнести! И какую! Вовка остановился между этажами, поклонился, положил руку чуть выше пупка, набрал в грудь побольше воздуха и сказал: «Спасибо!» Все! В голову больше ничего не приходило. Нет, так дело не пойдет! Вовка сжал перила, зажмурился от напряжения, и из него как будто даже без его участия полилось:

«Благодарю за оказанное доверие. Если вы выберете меня на следующий срок, я буду работать еще лучше. Я обещаю своим избирателям, что у них все вырастет в два! Нет, в три раза! Достойную жизнь пенсионерам! Все лучшее детям! В армии – порядок!

Террористам – отпор! Оплату за жилье – отменить! Верьте мне!»

- Совсем наши депутаты с ума сошли! – слышалось сверху.

Вовка открыл глаза. По лестнице спускалась соседка, Марья Степановна.

- Виданное ли дело, агитировать прямо на лестничной площадке! Да еще ребенка эксплуатировать! Ты за какого депутата агитируешь, Вовочка?

Вовка потупился:

- Ни за какого. Это я так, тренируюсь!

- Лучше бы в чем другом тренировался, - вздохнула Марья Степановна. – Вот раньше детки всё больше в космонавтов играли. А сейчас! – и, горестно махнув рукой, старушка поковыляла вниз.

- Марья Степановна! Марья Степановна! – закричал ей вслед Вовка. – Я тоже в космонавтов! Я как будто бы на Луну прилетел и хочу сказать всем лунатикам хорошее, а почему-то ерунда получается!

Марья Степановна остановилась:

- Потому что выступления депутатов смотришь, а надо мультики!

Вовка ничего не ответил. Как можно смотреть мультики, если во время предвыборной кампании ничего, кроме выступлений депутатов не показывают? Ну да Вовке есть чем развлечься, спасибо лунатику!

Вовка удобно устроился на диване и стал смотреть продолжение лунных приключений. Вовкас в ухе Рафа обошел весь небольшой городок, посетил подлунный зоопарк; и смотрел, как Шарик с Рафом на берегу бескрайнего пыльного моря ловит лунных рыб. Впрочем, рыбалку Вовка не очень любил, поэтому особенно не приглядывался, тем более что рыба не ловилась. Гораздо больше ему понравилось в Планетарии. В общем-то, он не очень отличался от земного, но вот фотографии, развешенные на стенах! Первый раз в жизни Вовка видел сатурников и нептунцев, марсианские плоские города, прижимающиеся к поверхности планеты, похожие на мешки тела плутонцев. Вовкас был поражен не меньше:

- Ой, какое все необыкновенное! А плутонцы-то, плутонцы! Их бы раскрасить да приделать клюв – ну точно наши пингвины получатся! А это кто такие хорошенькие? – он ткнул пальцем в фото, на котором стоял забавный такой Пикачу, только симпатичнее и пушистее раз в сто. Шарик передернулась и покрылась мурашками:

- Это такая плутонская зверушка, забыла, как зовут. Вот гадость-то! Вся в шерсти! От морозов спасается! Ракатаны и то лучше! Во всяком случае, не такие волосатые.

- Шарик! – строго обратился к девочке Раф. – Вас разве не учат в школе, что надо любить все живое, как бы оно не выглядело? В обмороке валялась, когда увидела Вовкаса в земном виде, пикачу тебе не нравится! Для Вовкаса ты тоже, представь, не красавица.

Шарик виновато заморгала:

- Ну что же мне делать? Ну не могу в руки волосатое взять! Видела сто раз на фотографиях и пикачу, и кошек, и собак, а все равно не представляю, как их любить можно! Если бы встретила живых, обижать бы не стала, но и целоваться бы не полезла ни за что!

Вовке на Земле было над чем поразмыслить. Оказывается, пикачу на самом деле существует! Значит, какой-нибудь землянин имел тот редкий контакт, который выпал на Вовкину долю, и воспользовался полученным знанием. Удивительно, даже имя мультяшки не стал менять! А насчет того, что Шарик собак не любит... Плохо, конечно... Ну что ж! На Земле многие девчонки не то что лягушку, жука безобидного в руки взять боятся! И хуже от этого не становятся.

- Ну, детки, Вовкасу скоро спать укладываться! Если хотите, пару рыбешек поймает – и по домам! Чувствую, рыбка сейчас так и плюет! – предложил Раф, оказавшийся заядлым рыбаком, и все покатили к морю.

Под сероватой пылью время от времени что-то перекатывалось, и было похоже, что под тонкой простыней ползают ленивые черепахи. Раф и Шарик опустили в пыль руки и замерли. Вдруг Шарик позеленела еще больше и зашептала:

- Плюет, плюет! У меня плюет!

Через секунду она выдернула из пыли что-то похожее на блин, испеченный из протухшей плесени. Лунная рыба казалась смазанной жиром, и морская пыль медленно стекала с ее гладких противных боков.

Вовкаса в ухе передернуло от отвращения:

- Тьфу ты, гадость какая! Как такое можно ловить! Да еще плюется прямо в руки!

Шарик обиделась и расстроилась одновременно:

- Ну вот! А я думала, тебе понравится! Такая красавица! Я хотела тебе подарить, тем более что у меня сейчас желания только несбыточные, а несбыточные рыба исполнить не может...

- Так это что? – выдохнул Вовкас, - золотая рыбка, что ли?

- И никакая не золотая, - пожала плечами Шарик, - обычная, зеленая...

- Ну да, такие вот у нас рыбы, - вступил в разговор Раф. – Они очень милые, когда привыкнешь, и желания действительно исполняют. Правда, желание должно быть очень маленьким – ну, царапина чтобы прошла, или чтоб весело стало. Исполнит и улыбается. А плевать рыба и вовсе не умеет, это только говорить так – рыба плюет – когда она почти поймалась. Ведь у ваших рыб клюва нет, а вы говорите, что она клюет наживку!

Вовка на Земле был просто потрясен. Надо же, кому-то кажется странным, что поедание насаженного червяка клевом называется! А мы-то привыкли... Вот про корову, пережевывающую сено или собаку, грызущую кость, никто не говорит, что они это клюют.

Вовкасу стало стыдно. Ведь совсем недавно он мысленно осуждал Шарика за то, что ей шерстяные звери не нравятся.

- Ну что ты, Шарик, - прочирикал он, - спасибо тебе большое, это я просто не очень хорошо рассмотрел рыбу! А так она ничего, даже симпатичная! Блестит так про... приятно! А как ей желание загадать?

- Да просто подумай и все!

Вовкас подумал, что неплохо было бы стать нормального человеческого размера, но ничего не произошло. «Значит, несбыточное!» - догадался он и захотел, чтобы голос его стал не канареечным, а солидным. И что же?

- Тра-ля-ля! – для пробы пропел он вслух. Фу! Как будто кошке хвост прищемили! Рыба, улыбаясь, изгибалась около ног Рафа.

- Ты что, новый голос себе заказал? – догадалась Шарик, - а чего такой гадкий?

- Я не хотел гадкий, это все она, рыбина!

- Она не виновата, - вступился за рыбу Раф, - старалась изо всех сил. Просто издать звук ниже ты сейчас не можешь.

- Тогда пусть будет, как было, - противно мяукнул Вовкас.

- Ну теперь жди, пока другая рыба плюнет, эта-то уже ничего исправить не может, - и Раф одной рукой бережно опустил использованную рыбину в пыль, одновременно вытащив другой новую, которая теперь уже не казалась Вовке такой противной. Зеленый блин легко исполнил желание Вовкаса снова чирикать, улыбнулась и плавно скрылась в море. Покатали к городу. Гуся, толкнув лапой дверь, вылетела навстречу хозяину, а за ней высыпалась целая стайка весело перемигивающихся лорчат. Какие они были славные, чешуйчатые, похожие на милых ласковых ящериц! Вовкас уговорил Рафаму разрешить спать одному лорчонку на кровати. Тут пришла Вовкина мама, пришел папа. Вовка поужинал и улегся спать. Теперь время его сна совпадало, наконец, со временем сна Вовкаса.

КРАСАВИЦА И ЧУДОВИЩЕ

Вовкас спрыгнул из уха на свою, дачную кровать и попытался устроиться поудобнее. Ничего не получалось. Светло же! Нет, летом, конечно, тоже светло, но сейчас-то на Земле зима, и, потом, в летние белые ночи свет мягкий и дрожащий, не мешающий

спать. Сначала Вовкас попросил Рафа занавесить окна. Потом долго выбирал место на кровати. На подушке ему было слишком просторно, под одеялом, как... Даже не сказать как. Таких ощущений он никогда не испытывал. В голову лезли истории о шахтерах, которых засыпало, и хотелось звать спасателей. Вовкас залез в пододеяльник, но одеяло казалось грубым и колючим. Конечно, оно никак не могло колоть Вовкаса, но *казалось* таким. Раф долго прислушивался к кряхтению Вовкаса, потом вздохнул, полез за печку, забулькал в темноте и поставил на табуретку у кровати стакан. Вовкас молча бултыхнулся в увеличивающую жидкость, превратился в мальчика и с наслаждением вытянулся на хрустящих простынях.

Вовка чувствовал сквозь сон, как мама зачем-то щипает его за нос. Он зачихал под подушку, но мама щипала и там. Вовка замычал и открыл глаза. Мамы нет, а за нос щипали не его, а Вовкаса, и не мама, а Шарик. Вовкас повертел головой и то же проснулся.

- Ты зачем меня щипаешь?

- Бужу. А разве у вас по-другому будят? – спросила Шарик.

- Ну да.

- А как?

- По-разному. Мама поцелует или погладит, ласковое что-нибудь скажет. Лизун, это собака моя, или лизнет, или подышит в лицо. Папа как крикнет: «Подъем!», так сразу вскочишь!

- Ладно, запомню, - пообещала Шарик, только ни сказать ласково, ни крикнуть я не могу; мигать, когда у тебя глаза закрыты, бесполезно; а целовать или облизывать тебя мне что-то не хочется. Ты славный, конечно, но уж очень не зеленый, и руки не хватает... Я понимаю, ты не виноват, но все же мне рядом с тобой немного не по себе. Вот у вас на Земле есть люди, на вас непохожие?

- Как это? Люди всегда похожи на людей!

- Не понял ты... - протянула Шарик, - лунатика-то тоже с человеком не спутаешь, но каждый лунатик от другого отличается.. Я маленькая, Раф большой, Рафама старая. В других городах есть лунатики с голубоватой кожей. А еще есть с двумя руками, как у вас, с одной и даже вообще без рук. Или без колес. Метеориты, они такие...

Вовкас, наконец, понял, о чем мигает Шарик, и сразу стал серьезным и печальным:

- У нас такое тоже случается. И это очень, очень грустно. Сказок много есть про таких, которые на остальных не похожи, и не только про людей. «Царевна-лягушка», «Карлик-нос», «Гадкий утенок». В этих сказках сначала над непохожими смеются, дразнят их, обижают. Очень жалко! А потом они становятся лучше всех, в смысле, красивее, и всем остальным стыдно делается или еще как-нибудь плохо. Между прочим, раньше непохожих на других людей действительно дразнили и издевались над ними, в цирке, например показывали, или на ярмарках. Теперь такого нет, сказки помогли, наверное. И сами сказки тоже другими стали. «Шрек», например. Там был один такой несимпатичный, противный, зеленый весь...

Тут Вовкас взглянул на Шарика и ему захотелось себя убить. Шарик приобретала темно-зеленый оттенок прямо на глазах, при этом она пыталась отвернуться и закрыть руками милую мордашку.

- Ой, Шарик! – расстроился Вовкас, - ну прости, прости меня! Дурак я и только! Ты такая славная, такая... Ты послушай дальше! Этот зеленый не изменился, а изменилась красавица, которая его полюбила, она тоже зеленой стала, для него. Навсегда, понимаешь! И стала такая счастливая! Она раньше боялась, что кто-нибудь увидит, что она зеленой бывает, а как поняла, что для зеленого лучше ее на свете нет, стесняться совсем перестала.

Шарик убрала руки от лица (Вовкас, правда, помогал), приобрела нормальный светло-зеленый цвет лица и торопливо замигала:

- Мне бы сейчас в школе двойку за терпимость поставили, и правильно! Надо бы еще минус добавить, потому что если себя трудно перед кем-то стерпеть, что уж о других говорить! Нас учат-учат, что внешность значения не имеет, а все равно на нее внимание обращаешь. Нет, понятно, каждая лунатичка должна следить за собой: не вихлять колесами, причесываться аккуратно, ногти подстригать. Но уж если не повезло, и ты ничего не можешь исправить, надо учиться жить такой, какая ты есть. Всем другим будет легче, и скоро никто и внимания не обратит, что ты, например, на одном колесе катаешься.

- Да-да! – обрадовался Вовкас тому, что Шарик думает точно так же, как он, - у нас на даче дядя Гена есть. Молодой. Ему руку на работе оторвало. Так он одной рукой что хочешь сделает: и велосипед починит, и дрова нарубит. Чернику собирает быстрее всех! Никто из соседей и внимания не обращает, что у него рукав под ремень заправлен. А сядешь с ним в электричку, сразу видно, что люди к нему не так, как к остальным относятся. Кто отворачивается, кто разглядывает рукав этот несчастный. Место просто целыми скамейками уступают, будто он ни стоять, ни держаться не может. Глупо! А вот если бы мы все были с одной рукой, а у дяди Гены вдруг две выросло, было бы то же самое!

- Правильно! – поддержала Вовкаса Шарик, - а привыкнуть можно только одним способом – узнать получше. Сегодня же закажу у крючника новые игрушки – собаку и Пикачу!

- И мне тогда тоже закажи, - вздохнул Вовкас, - рыбу вашу склизкую и нашего таракана.

В комнату вкатилась Рафама.

- Вот, детки, докатилась до крючника, взяла вам по колд-догу, - промигала она и положила на стол два брикета.

- Ой, спасибо! - завизжала Шарик, - мой любимый, с горчицей! И с перчиком! Ты какой будешь? – спросила она Вовкаса.

- Не знаю, - Вовкас подозрительно смотрел, как Шарик ловко распаковала красный брикет и с наслаждением лизнула морозную поверхность. – А сладкое есть?

- Ну, ты даешь! – засмеялась Шарик, - сладким может быть только лекарство, да и то для детей, чтобы не так противно было, соль добавляют. Такие вкусенькие микстуры встречаются!

Вовкас вздохнул, вскрыл обертку на брикете с изображением летящей птицы, зажмурился и храбро куснул синий бок колд-дога. Тут же ему захотелось выплюнуть все обратно, потому что было и кисло, и солено, и язык жгло. От перчика, наверное. Шарик смотрела на Вовкаса во все три глаза, и он понял, что она невозможно расстроится, если он не выдержит и плюнется любимым ею лакомством. Вовкас зажмурился, представил себе, что пьет лекарство, от которого зависит его жизнь, и протолкнул в горло холодный кусок.

- Вкусно? Вкусно? – подпрыгивала Шарик.

- Очень! – выдохнул Вовка.

- Тогда еще и мое попробуй, - она протянула надкусанный красный брусок..

- Не буду! – замотал головой Вовкас, - правда, мне нельзя! Вон, Рафама скажет, у меня недавно ангина была, я горло еле-еле содой с солью вылечил. (Шарик при упоминании аппетитного полосканья облизнулась). Так что мне бы сейчас чего-нибудь не очень холодного и лучше, сладкого. Нам, землянам, после лечения надо сладостей есть побольше, они, хоть и противные, но здорово лечебный эффект закрепляют.

- Какая у тебя сила воли! – восхитилась Шарик, убежала и вернулась со стаканом сока, похожим на апельсиновый и двумя трубочками со взбитыми сливками.

Вовкас, чтобы Шарик не усомнилась в его героизме, кривляясь и морщась, выпил сок и слопал пирожные, а последний кусочек даже выплюнул.

- Все! Не могу больше!

Шарик предложила скататься к морю, но Рафама строго запретила выходить, пока не прикатится Раф и не уменьшит Вовкаса, хотя Шарик пыталась ее разжалобить изо всех сил:

- Мы незаметно проскользнем, никто и не увидит! А то каникулы последний день, когда еще выберемся!

Рафама была непреклонна. А Вовкас заинтересовался.

- Слушай, расскажи-ка, как вы учитесь. Я знаю только, что учитесь вы очень долго, знаю, что школьники тоже могут похулиганить, как любые дети, догадываюсь, что школы ваши под Луной. А остальное? Учителя добрые? Какие предметы учите? Что с двоечниками делают?

- Да наверное, все как у вас, - ответила Шарик. – Вы ведь знания по крупичкам получаете?

- Ну в общем-то так, за один день много не выучишь, - протянул Вовкас. – Иногда учитель замучается объяснять, а в голову не лезет, и все тут!

- Как? – поразила Шарик, - вам учитель еще и разжевывает?

- А что такого? Если непонятно что, сто раз повторит, пока в голове не уляжется.

- Ой, мне бы в вашу школу! – завистливо мигнула Шарик. – У нас-то крупички знания самим добывать надо, а потом еще переваривать, или усваивать.

- Ха! А учителя тогда зачем?

- Следить, как усваивается, конечно! Одни ленятся усваивать, добудут одну крупичку и целый день ее переваривают; другие, наоборот, так жаждут знаний, что готовы сразу тарелку крупичек в себя запихать. А усвоить-то никак! Не проследит учитель, так у них такая каша в голове получится!

- Да, - подтвердил Вовкас, - чего только в голове не бывает! И каша, и ветер, и шарики за ролики...

- У нас кроме каши, только ветер. Гуляет себе, если когда крупичек мало – ему-то раздолье! Ролики нам не переварить. Наверно, у земных детей усвоение знаний лучше идет, - позавидовала Шарик. Вовкас только собрался ей объяснить, что все не так, как в комнату стремительно вкатился Раф и позвал детей на прогулку.

ПРАВО НА ЖИЗНЬ

Вовкас покорно уменьшился, устроился на привычном месте и плавно поплыл по залитому солнцем городу. Решили сходить в ботанический сад. Ох, и интересно! Со всех планет, на которых была растительность, были привезены образцы. Жалко, что ни дотронуться, ни понюхать их было нельзя, потому что все растения были под колпаками, где для них были созданы привычные условия. В одних колпаках крутились красные песчаные бури, другие были покрыты изнутри изморозью, мешающей рассмотреть содержимое, в третьих почему-то мигал свет. Дольше всего Вовкас попросил задержаться Рафа около одуванчика. Из-под колпака лилось мягкое сияние. Одуванчик выглядел таким жалким! Стебелек был коротким, желтая шапочка – сморщенной, и листья как будто корова жевала.

- Отличные у вас цветы, - похвалила Шарик, а Раф, который был знаком с настоящими одуванчиками, признался:

- Конечно, у себя на родине каждое растение выглядит немного по-другому, потому что хоть мы и стараемся изо всех сил воссоздать их мир, не всегда получается. А может, цветы просто скучают по свободе и по дому? Взять хотя бы злючку с Венеры. Там бы никакие стекла и экраны ее бы не сдержали, а здесь – ну просто домашнее растение. Пойдем, посмотрим!

За тройным стеклом бесновалось что-то зеленое. Оно вздымало тучи песка ржавого цвета, распластывалось по поверхности и вдруг яростно подпрыгивало вверх, крутясь так, что ничего было не разобрать. Раф приблизился к этому непонятному, и вдруг оно набросилось на защитные экраны и прилипло к ним, скрежеща по стеклу выросшими из темной зелени коричневыми клыками. Вовкас взвизгнул, и Раф тут же откатился от хищной злючки.

- И это Раф называет домашним и безобидным? – трясась от страха, спрашивал Вовкас сам себя. – А мы-то крапиву считаем злой! Ну зачем такой ужас на Луну привозить? Да и на Марсе лучше бы истребили злючку совсем.

Как будто услышав его мысли, Раф сказал:

- Понимаешь, Вовкас, каждый для чего-то нужен. С виду растение как будто плохое и ненужное, а без него и марсиан бы не было. Злючек еще более страшный хищник поедает, а потом откладывает такие личинки – много-много! – и марсиане ими питаются. Ничем зубастиков этих не заменишь. Может, они раньше добрыми были, да обидел их кто-то, может, когда-нибудь добрыми станут... Жить все хотят, и все имеют право.

- Интересное кино! – удивился Вовкас, - а зачем же тогда на Земле уничтожают крыс? И что бы было, если их не трогать? Я однажды на даче мышь поймал, руками прямо. А она меня укусила. Так целых полгода ходил делать прививки от бешенства в плечо. Пять уколов сделали. Больно, купаться после них нельзя. А раньше вообще сорок уколов надо было сделать, причем в живот. Вот удовольствие!

Раф вздохнул.

- Сложные вопросы ты задал. И думаю, ответы, пусть и не полные, ты на них знаешь. Уничтожают грызунов, чтобы другие создания, то есть вы, люди, жить продолжали. И если крыс не трогать, обязательно вы болеть будете, и не только бешенством, а целой кучей болячек. Вымрете, скорее всего. Но грызуны, они ведь тоже нужны. Ими хищники кормятся, птицы. Зря крысы, конечно, к людям лезут. Жили бы себе на природе, никто бы к ним не приставал. Такое не только у землян. Вон как жарики меркулялятам досаждают! Жарища на Меркурии – ужас! Меркулята растекутся лужами по ямкам, где попрохладнее, только немного остынут, как горячий жарик – плюх в самую середину и нежится! Меркулятам, неприятно конечно, что от них брызги отлетают, да и здоровья это им не прибавляет. Но когда почти всех жариков в ловушки-холодильники переловили, тоже не обрадовались. Нужны они для чего-то там оказались, пришлось снова разводить.

- Ну, мы-то крыс разводить не будем. И муравьев с тараканами. И так их слишком много! – засмеялся Вовкас.

- Ой, не зарекайся! – предостерег лунатик, - раньше вам казалось, что странствующих голубей слишком много, бизонов... А потом они раз! – и кончились. Представляешь, как человечество будет беречь последнего муравья?

Вовкас не представлял, и экскурсия продолжилась. Вовкас еще много чего в ботаническом саду увидел. Так много, что ночью у него начались кошмары.

Венерианская злючка, скаля зубы, набрасывалась и набрасывалась на Вовкаса. Он вертелся на кровати, отмахивался руками и громко звал на помощь.

- Ну разве можно ребенку за один день столько всего показывать! – сквозь скрежетание коричневых зубов слышал Вовкас укоризненный возглас Рафамы, - ему такую кучу

впечатлений просто не переварить! Скоро улетать, представляешь, какая каша будет в голове у твоего земного друга! Неси-ка глюкометр!

Вовкас, услышав знакомое название, присел на кровати. Он почти выплыл из кошмара,

скрежет слегка затих, но до конца не пропал.

- У моей бабушки тоже глюкометр есть! – похвастался Вовкас, - она им меряет сахар в крови. Вот удивительно! Сладкого ничего не ест, а сахар все равно как-то у нее образуется. А я могу хоть килограмм конфет слопать, и мне – хоть бы что! Так что глюкометр ваш ни к чему, мне бы от злочки избавиться, вон, кажется лист из-под кровати торчит!

- Не лист это, а глюк! – тоном врача прояснила Рафама, - а наш глюкометр как раз и глюки и меряет.

Она ловко прикрепила к голове Вовкаса проводки, посмотрела на присоединенный к ним с другой стороны экранчик и объявила:

- Так и знала! Придется антиглюк принять. Давай что-нибудь цветочное.

Раф поднес Вовкасу таблетку размером с шоколадный батончик. Тот, уже изучив вкусы лунатиков, бесстрашно откусил. Вот вкуснятина! На «птичье молоко» похоже, даже лучше. И тут же исчезла противная злочка, перед глазами закачались нежные колокольчики, полевые ромашки и совсем простенькие травинки. Вовкас вдохнул аромат дуга и заснул.

А Вовка, хотя тоже ужасно хотел спать, пошел на кухню поливать цветы. Это была его обязанность, но он частенько забывал о ней. А вот сейчас вспомнил. Как-то незаметно пребывание Вовкаса на Луне отражалось на его, Вовкином, поведении.

- Бедные цветочки! – думал Вовка, - наклоня над пересохшей землей графин, - сидят себе в горшках, ни попросить воды не могут, ни уйти к другому, забывчивому хозяину. А жить хотят и имеют право. Вот обидятся и превратятся во что-нибудь страшное.

Тут из-за цветочного горшка выдвинулась пара усиков. Усики приветливо помахали Вовке, и через секунду любопытный таракан нахально выполз на середину подоконника. Вовка пытался убедить себе, что насекомое выглядит очень милым и дружелюбным, но у него ничего не получалось. На кухню вошла мама, вскрикнула, хлопнула по таракану газетой и смахнула трупик в ведро.

- Ну надо же! – расстроилась она, - сто лет их не было! А ты чего смотрел? – набросилась она на Вовку.

- Mamochka, - тихо спросил Вовка, - а вдруг ты последнего таракана убила?

- Ну и хорошо! – беспечно отозвалась мама, - эти квартиранты нам ни к чему.

- Нет, - прошептал Вовка, - представь, что это был вообще последний таракан, последний на всей Земле! И он тоже имел право на жизнь!

- Да, - задумалась мама, - тогда действительно жалко! Только я тебя уверяю, что в квартире у дяди Славы, на первом этаже, этого добра – завались! Видно тесно им стало, вот и пошли по всей лестнице расселяться. Надо же, уже до пятого этажа добрались! А тебе спать давно пора. Режимы никакого, а скоро в школу!

Вовка согласился с мамой и пошел спать.

- Как время летит! – думал Вовка засыпая, - кажется, каникулы только начались, а вот уже послезавтра в школу.

- И посмотреть-то толком ничего не успел, а уже улетать! – думал Вовкас, просыпаясь. Кстати, Вовка проснулся даже раньше лунного двойника.

Сегодня был назначен отлет. Крючники начали переносить дачный домик на новое место, ожидалось падение метеорита. Под ногами у лунатиков вертелись лорчата, но

сегодня всем было не до них. Рафама украдкой вытирала слезинки, Раф был каким-то растерянным. Шарик уговорила Вовкаса посидеть с ней в человеческом виде. Ни о каких обмороках речь не шла. Потом Вовкас прошел уже привычную процедуру уменьшения и последний раз проехался по лунному городу в ухе Рафа. Земли было не видно, но он чувствовал, как она манит и зовет его к себе. И чувствовал, как Луна, Раф, Рафама и Шарик держат здесь. Вот было бы здорово, если бы он оставался на Луне, а Вовка на Земле всегда! Понятно, это невозможно, Вовка быстренько в двоечника превратится. Крючник по просьбе Вовкаса сделал российский флажок, и Раф торжественно установил его на берегу пыльного моря, положив рядом комочек земного грунта. Шарик поймала для Вовкаса целых две рыбы, и он загадал одной никогда не забывать лунные каникулы, а другой – не очень расстраиваться из-за расставания с друзьями. Первая рыба улыбнулась, вторая нет. Зашли в школу, и Шарик отыскала под партой у лентяя и двоечника Аркебузы завалившуюся крупичку знания. Крупичка таинственно мерцала. Шарик не стала ее усваивать, а бережно завернула в платок и спрятала в карман. Вернулись в дом.

Вовка, возя ложкой по каше, почти не слушал, как мама объясняла ему важность повторения пройденного перед началом новой четверти. Он был на Луне, и когда Лизун провел языком по ноге, прошептал:

- Пока, лорченок, я тоже буду по тебе скучать!

1. Мама тревожно взглянула на папу, но ничего не сказала. Вовка сел за секретер и открыл учебник английского. Мама ободряюще улыбнулась и закрыла дверь в Вовкину комнату. Сквозь слезы, буквы и картинки Вовка видел, как Раф с Вовкасом в ухе и Шарик катались по городу, заглянули в библиотеку и Зоопарк, посетили лунные аттракционы. Он успел пообедать и поужинать. Стемнело. Мама похвалила Вовку за ответственное отношение к учебе и посоветовала ложиться. И правда, пора, вот только на Луне все длился и длился день. Лунатики собрались на ракетодrome. Перед тем, как Раф уменьшился, Шарик попросила разрешения подарить Вовкасу крупичку знания. А что? Она крошечная, места почти не займет, а все-таки память. Раф бережно поместил крупичку в ракету, и эта волшебная крошка помчалась к Земле с Вовкасом и Рафом. Вовка переволновался за день и чувствовал, что засыпает. Но он был уверен, что утром крупичка знания будет с ним. Интересно, какие тайны она скрывает? И еще Вовка думал, что завтра он попросит в школе прощения у Эльдара. И станет его защищать от других, даже если это опять унесет его в самый конец никому не видимой лестницы. И всем объяснит, что нельзя поступать с человеком так по-свински только из-за того, что он на других не похож. Нет, не так! Вообще нельзя с людьми поступать по-свински! По-человечески надо! Эльдару плохо здесь, все его обижают, никто не любит. Но что он может изменить? Уехать обратно в Чечню, где война? Чтобы его убили там? Он совсем не виноват, что на родине жить невозможно. Его, как злючку, перенесли из привычного места в непривычное. Эльдару надо помочь привыкнуть к этой жизни, а не вредничать. А то он обидится когда-нибудь и отрастит зубы или что похуже. А лестница... Ну что ж, она есть и никуда не денется, и Вовка уже убедился, что на ее ступеньках никто не стоит, как приклеенный. Может, девчонки именно из-за гадкого отношения к Эльдару поменяются с ним местами. А может, поймут Вовку и все вместе будут идти вверх и вверх, помогая тем, кто пока немного отстает.